

БРАТЯ ШВАЛЬНЕРЫ

Дюрнберг

На 7 веки вечные

том второй

Братья Швальнеры Нюрнберг. На веки вечные. Том второй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55732674

ISBN 9785449894212

Аннотация

Нюрнбергский процесс над главными нацистскими преступниками таит в себе множество тайн. Кто и зачем среди союзников пытался его сорвать? Кому, кроме гитлеровцев, он был невыгоден? Почему погиб обвинитель от СССР Николай Зоря? Какие секреты пытались «умолчать» союзники в ходе судебного следствия? Ответы на эти и многие другие вопросы – в романе-хронике братьев Швальнеров. (Второй том ранее был опубликован в составе книги братьев Швальнеров «Нюрнберг: на веки вечные», Ridero, 2020 год).

Содержание

Часть третья, или Представление доказательств.	5
«Агенты влияния»	
17. Тузы в рукавах	5
18. «Собибор»	43
19. Запрещенные приемы	74
20. За все надо платить	108
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Нюрнберг. На веки вечные

Том второй

Братья Швальнеры

Иллюстратор Братья Швальнеры

Дизайнер обложки Братья Швальнеры

© Братья Швальнеры, 2020

© Братья Швальнеры, иллюстрации, 2020

© Братья Швальнеры, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-9421-2 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-9386-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть третья, или Представление доказательств. «Агенты влияния»

17. Тузы в рукавах

12 марта 1946 года, ближняя дача Сталина в Кунцево

– Товарищ Сталин, эта Фултонская речь Черчилля не только разобщила нас с союзниками – что само по себе негативно сказывается на процессе, – но и подсудимым совершенно развязала руки, – негодовал Вышинский, размахивая сжатой в руке американской газетой. – Вот, пожалуйста, Геринг дал интервью американским журналистам, в котором прямо сказал и про то, что СССР стал пособником Германии в деле начала второй мировой, и про нарушения, допускаемые Трибуналом в отношении прав арестованных, и про... «Четвертый рейх»!¹

– Про «Четвертый рейх»? – с напускным спокойствием уточнил Сталин. – Ну и что? Действовала внутри нашей страны пятая колонна гитлеровцев, так на то они и враги, чтобы везде своих агентов рассылать. Боремся как можем

---

¹ Полторак А. И. Нюрнбергская линия нацистской обороны // Нюрнбергский эпилот. – М., Воениздат, 1965.

с последствиями их вредительства. Конечно, сейчас не на руку нашим правоохранителям огласка об этом деле, но что сказано, то сказано. Не лишнее доказательство их виновности! Скажи, пусть Шахурину в камеру эту газету переправят...

– Но, товарищ Сталин, – разъярялся бывший прокурор, – наличие «Четвертого рейха» иллюстрирует тесные связи между немецким руководством и нашим в первые годы войны! Бросает дурную тень на нас!

– При других обстоятельствах меня бы это разозлило, – сохраняя непонятное его визави титаническое спокойствие, продолжал глава государства. – А сегодня я не думаю, что это повод для беспокойства. Во-первых, слова подсудимого всегда воспринимаются как способ защиты. Нет такой лжи, на которую он бы не пошел, чтобы только шкуру свою спасти. Разве нет, товарищ прокурор?

– Да, но...

– Я не договорил, – в голосе отца народов зазвучали привычные стальные нотки. – Во-вторых, в Англии или в Америке было не меньше, а то и больше немецких шпионов, и втирались они в доверие к верхам не хуже, чем в Москве. А в-третьих, скоро от Нюрнберга останутся рожки да ножки!

– Это... «Нокмим»? Вы все-таки решились? – вполголо-са спросил Андрей Януарьевич. Он был осведомлен о деятельности этой организации, как и о многих других мыслях Сталина по поводу процесса. Вообще в эти дни он был ед-

ва ли не самым осведомленным человеком из всего окружения Кобы.

– А чего с ними со всеми волюнку тянуть? Одни его обитатели нам 5 лет кровь пили. Другие новой войной грозят, последствия которой вообще трудно просчитать... А мы все про гуманизм да интернационализм толкуем! Сколько можно терпеть?! – И, переведя дыхание, резюмировал: – Болезнь легче предупредить, чем лечить.

– Товарищ Сталин, по-моему, вы поспешили, – высказал свое мнение Вышинский.

– Тебя забыли спросить.

– Понимаю, но со стороны виднее.

– И что видно?

– Видно, что, если страна развязывает войну – это одно дело. Если обороняется – совсем другое. Я согласен с тем, что моральный облик наших «союзников» не лучше облика гитлеровцев, но столь активным и дерзким шагом мы весь мир разом против себя настроим, а это значит, объединим нацистов и американцев с англичанами. Понимаете, чем это чревато?

– Понимаю, – упрямо кивнул Сталин. – Устрашением. Нас всегда боялись, и только на этом основывался авторитет самой сильной в мире страны.

– Согласен, но мы ведь всегда защищались. Нападали – только в критических ситуациях.

– А сейчас не такая? Сам же говоришь, Геринг разболтал-

ся после выпадов Черчилля. Завтра еще кто-нибудь рот откроет. Мне, что, сидеть и ждать у моря погоды? Надоело. Проходили. Я уже одному доверился в 40-ом.

– Думаю, что Геринга можно урезонить и без столь радикальных мер.

– Как? Если я не ошибаюсь, завтра начинается его допрос советским обвинением? Воображаю, что он там начнет вещать на весь мир...

– Не позволим, товарищ Сталин, не беспокойтесь... – многозначительно, но уверенно произнес Вышинский. – Если помните, недавно с ним беседовал доктор Келли. Он наш человек во всех смыслах, – зажурчал елеем замнаркома иностранных дел.

– Но ведь он же не успел ничего сделать!

– Зато успел собрать такие сведения, которые Геринга заставят если не поседеть, то замолчать надолго – точно.

Сталин внимательно посмотрел на Вышинского. Тот доверительно улыбался вождю – значит, не врал. Вообще, в отличие от Берии, Меркулова, Молотова и других посетителей этого кабинета, ложь за Андреем Януарьевичем водилась крайне редко. Потому «отец народов» смело мог сказать, что доверяет ему.

– Ладно. Выкладывай, что там у тебя...

– Слушаюсь. Но в ответ осмелюсь попросить вас. Давайте не будем спешить с этими евреями. Пусть подождут немного.

15 марта 1946 года, Нюрнбергская тюрьма

Руденко пришел в тюрьму Дворца правосудия с целью переговорить с Герингом до начала его допроса советской стороной. Вообще такая практика была исключением из правил, но те самые канадцы украинского происхождения – то ли по зову крови, то ли по приказу из центра – не решились отказать в допуске своему земляку из Донбасса. Конечно же, на условиях полной секретности...

Застал советский обвинитель Геринга не в лучшем виде. Он весь был какого-то серого цвета, помятый, невыспавшийся, со следами явной усталости на лице.

– А вы как хотели? – ответил подсудимый на вопрос своего визитера. – Допрос – дело изнурительное, особенно когда примерно представляешь, чем он закончится...

– Не сказал бы я, что процесс оставляет у вас такое гнетущее впечатление после сказанного Черчиллем в Фултоне. Признайтесь, тут уж вы окрылились – чего стоит одно только ваше интервью американцам?

– Да какая разница, что и кому я там говорил, когда за малейшее нарушение здешние солдаты – кстати, говорят, во многом русские по национальности – метелят меня здесь не как фельдмаршала, но как уголовника? Не особенно-то окрылишься! – развел руками Геринг, который уже начал догадываться о методах, которыми советская сторона «готовила» его к допросу. Правда, только частично...

– А как же вы думали? Так уж сложилась история, что вы проиграли, а не судят, как известно, только победителей. Потому теперь это – ваш крест и ваша участь, и со сменой статуса – вольно или невольно – придется смириться...

– Вы пришли, чтобы это мне сказать?

– Да, вы правы... – осекся Руденко. – Знаете, я пришел выразить вам свое восхищение. Не ожидал от подсудимого нациста – да еще одного из главных – такой смелости, честности, обличительности. Не сказать лишнего – пригвоздили при последнем допросе к позорному столбу и американцев, и нашего Иосифа Виссарионовича...

Геринг в ответ натянуто улыбнулся:

– Вы мне выбора не оставляете. Лучшая защита – это нападение.

– Защита? – вскинул брови Руденко. – Вы так скромно оцениваете значимость своих изобличений?!

– Это всего лишь слова. Жизнь показывает, что они, в отличие от дел, никакой ценности не имеют...

– Согласен. Но от них бывает сложно отмыться... – многозначительно глядя на него, говорил прокурор.

– Никак не пойму, к чему вы клоните?

– А я всегда к правде. Вот вы тут давеча про меня и Иону Тимофеевича – судью нашего – много лишнего адвокатам наговорили. Потом Сталина обвинили, что он, как бы это сказать, с Гитлером состоял в не совсем стандартных отношениях, а? Было такое? А сами в то же время...

– Что за бред?! – вскочил со стула Геринг, и тем самым сразу привлек внимание стоявшего рядом охранника. Руденко дал ему отмашку рукой, и тот отступил от разбушевавшегося рейхсмаршала, кажется, начавшего понимать, куда клонится разговор. – Я всегда сторонился подобного рода выпадов как от самого Гитлера, так и от товарищей по партии. Не скрою, бывали у нас и такие. Рем, например...

– Точно. Именно в его контексте я и хотел поговорить. Поговаривают, что вы его потому и устроили, что он был любовником фюрера, а вы того... сами претендовали...

– Сплетни! – отмахнулся Геринг. – Я принял участие в исполнении справедливого приговора, который ему вынесла партия – только и всего. И то- потому, что считал и считаю его предателем рейха!

– Да я и сам в это не верю, – закивал и замахал руками Руденко. – Вот только здесь, в моей папке есть медицинские свидетельства того, что вы после ранения в Первую мировую стали испытывать проблемы с потенцией, а женщины вас вообще перестали интересоваться. С этими документами и связаны рассуждения ваших вчерашних товарищей о том, что вы были любовником Рема и, устраняя его, тем самым подчищали свою биографию, а также о том, что дочка ваша, простите, родилась от любовника вашей супруги, а не от вас...

– Фу, как низко...

– Что низко? Я же говорю, не верю. Врачей можно подкупить, правильно? Но как быть с тем, что врачи эти – из управ-

ления здравоохранения НСДАП? Кто же сунул им в лапу?.. Ну да, Бог с ними. Но вот как понимать использование вами косметики в быту – убей не пойму. Зачем мужчине, да еще такому, краситься? Тут и не такое, что осведомители шепчут о ваших сексуальных предпочтениях, а что-то более извращенное в голову придет...

Геринг психовал. Слов находилось все меньше, ведь его ранение и связанные с ним проблемы с потенцией были правдой, как и слухи о любовнике его любимой жены Карин. Болтали.² Но было это абсолютной ложью! Как некстати сказанной ложью были и слова о косметике – действительно, Геринг пользовался ею, но только из-за неестественно серого цвета лица, который он приобрел в результате печеночной недостаточности. Последняя была следствием приема морфина, а на него, в свою очередь, Геринг подсел после «Пивного путча», спасаясь от чудовищных болей после ранения.³ Никакой связи с нетрадиционными наклонностями эти факты не имели! Однако, в свете тщательно подобранных иезуитом Руденко фактов доказать это рейхсмаршалу было бы непросто...

«Извернулся, садист, – подумал он. – Русская свинья. Не ожидал от них такого... Хотя, почему не ожидал? Речь в Фултоне и убийство обвинителя, готовившегося пролить свет на историю с Катыню толкнули их, как видно, на край-

---

² Frischauer, Willi: The Rise and Fall of Hermann Goering (Ballantine Books 1951)

³ Overy R. J.: Goering: The Iron Man (Routledge 1984)

ние меры. И они на них решились, вне всяких сомнений...»

– Что молчите? – подмигнул Руденко.

– А что тут сказать? – подумав немного, ответил Геринг. – Вы и сами знаете, что все это – слова, лирика и чушь. Я здесь, за решеткой, и возможности по сбору доказательств у меня не такие, как у вас. Однако, я не слепой и не глухой. И вижу, что теперь вы – на позиции обороняющихся. Значит, сильно задела вас история с Катыню, что вы не только от своего обвинителя избавились – а это уже ни для кого здесь не секрет, – но и на меня давите, чтобы я дал нужные вам показания и прекратил свои излияния перед судом и прессой. Попробуйте, но, как я уже говорил, это слова...

– А как я говорил, от слов бывает сложно отмываться, – улыбка не сходила с лица прокурора, ощущавшего явное превосходство над допрашиваемым. – От того, что я сказал, отмываться будет просто – плевков за плевков. Вы пытаетесь очернить Сталина или обвинителей, советская сторона очерняет вас. Это вам не страшно, тут вы правы. А вот что вы скажете, когда ваши товарищи вдруг узнают, что вы еще до размолвки с Гитлером своим указом освобождали из заключения евреев? Да не простых, а бойцов Еврейской бригады Сопротивления, в отношении которых у следствия были достаточные данные, чтобы судить об их причастности к врагам рейха! Получается, что вы еще до ссоры с фюрером прошлой весной уже всю вредили рейху и, возможно, даже состояли в связях с союзническими разведками! С аме-

риканской, например. То-то они так благоволят вам – и интервью берут, и в плен взяли очень уж ласково, едва ли не как в гости пригласили, и вообще вселяют в вас веру в оправдательный приговор всеми действиями со своей стороны! А? Что на это скажете?

Руденко протянул ему документ из папки. Сказать, что рейхсмаршал был в эту минуту ошарашен – значит ничего не сказать. Прокурор со скоростью света закидал его аргументами, парировать которым было нечего – во всяком случае потому, что подпись под приказом об освобождении евреев, что сейчас лежал перед ним, была точь-в-точь его!.. Он смотрел на нее и ничего не понимал, кроме того, что стоит Руденко придать огласку этому документу, как он сразу превратится из героя-мученика (каковым не без успеха последнее время выставлял себя в показаниях суду и интервью) в заговорщика, шпиона и предателя. Договариваться с бывшими товарищами уже не сможет – не будет доверия (даже если внешне не покажут, все равно останется у каждого из них неприятный осадок в отношении вчерашнего наци №2), да и наблюдатели будут посмеиваться в кулак.

– Но... это фальсификация...

– Желаете экспертизу? Извольте. Но уверены ли вы в том, что не подмахнули документик, что называется, не глядя, под кокаином? И в том, что заключение экспертов будет в вашу пользу, если о какой-либо пользе для вас сейчас вообще можно говорить?

Прокурор блефовал, но обвиняемый ничего не мог ему возразить. Он попросту не знал, что на протяжении многих лет его родной брат Альберт, будучи тайным участником Сопротивления, подделывал его подписи на косой сотне вот таких вот приказов.⁴ А Руденко его незнанием воспользовался, чтобы как следует надавить. И у него это получилось.

– Что... что вы хотите? – давясь, спросил Геринг.

– Вы лучше меня знаете. Сами сказали, когда я вошел. Просто не надо так со мной разговаривать завтра во время допроса, как вы дотоле разговаривали с моим американским коллегой Джексоном. И все. Звезд с неба от вас никто не просит. Услышьте меня – и больше никто и никогда не услышит об этой бумаге.

Не давая маршалу опомниться, советский обвинитель поднялся и ушел, оставив собеседника наедине с его мыслями. Хотя и думать особо тут было нечего – выбора у Геринга просто не оставалось.

16 марта 1946 года, Нюрнберг, Дворец правосудия

После оглушительного заявления Геринга зал буквально взорвался. Но ненадолго – чередой сюрпризов на этом не закончилась. Когда недоумевающий зал немного стих, с места поднялся его адвокат, который заявил:

---

⁴ Goldgar, Vida. The Goering Who Saved Jews, Jewish Times (Atlanta), 10 march 2000).

– Уважаемый суд! Незадолго до начала допроса советской стороной моего подзащитного все та же советская сторона обвинения краем коснулась вопроса войны в Польше в 1939 году. Здесь уже шла речь о секретных протоколах к пакту Молотова-Риббентропа, но никто их не предъявлял. Сегодня защита готова сделать это. На руках у нас находятся протоколы, согласно которым Гитлер отводил Сталину часть территории Польши в случае ее захвата, а в ответ просил военной помощи. Иными словами, согласно этому протоколу, война в отношении Речи Посполитой началась в 1939 году с двух сторон – Гитлер стал наступать с Запада, а Сталин с Востока...

Повисло напряженное молчание. Неизвестно, к каким бы последствиям оно привело, если бы слово не взял судья от СССР Иона Никитченко.

– Скажите, адвокат, вам известно о том, какая стадия процесса проходит в настоящее время?

– Да, ваша честь, допрос подсудимых.

– Представление доказательств будет после. Пока вопрос с обсуждения снимается...

Председательствующий Лоренс с недоумением посмотрел на коллегу, но ничего не сказал. Время было выиграно, но сути дела это не меняло – случилось то, чего так боялся Сталин с начала процесса. Пакт-пактом, а об умолчании в отношении столь дерзких секретных протоколов речи с союзниками не было. Пока противоборство с Герингом шло у Ру-

денко со счетом 1:1. Но было не до этого – решение будет приниматься потом.

– Уважаемый суд, – быстро, не давая никому опомниться, забормотал главный советский обвинитель, – разрешите нам продолжить допрос подсудимых? Следующим дать показания должен обвиняемый Кейтель...

После его слов к трибуне вышел и сел за нее сухой старик в военной форме без знаков различия. Выправка и гордость выдавали в нем кадрового военного – это был Верховный Главнокомандующий войсками вермахта, генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель. Он был кадровым офицером, прошедшим обе войны и видавшим как триумф, так и трагедию германских вооруженных сил – именно он 8 мая 1945 года подписал акт о капитуляции Германии. Сегодня – впервые в мировой истории – солдата, хоть и сановного, судили за выполнение приказов начальства.

– Подсудимый Кейтель, – начал прокурор от СССР. – Вы с 1938 года возглавляли Верховное Командование вермахта. Соответственно, вы обвиняетесь в том, что принимали непосредственное участие в развязывании и проведении войн на территории стран-союзниц, которые принесли им поистине неслыханные разрушения и привели к бесчисленным человеческим жертвам, как это описано в обвинительном заключении...

– Прошу заметить, я был против войны с СССР и Францией. В отношении вашей страны, господин Руденко, мое ре-

шение было вызвано именно решением фюрера «игрушечную войну», о которой здесь уже говорилось, превратить в войну реальную. Оба раза подавал в отставку, но фюрер ее не принял...⁵

– Но службу вы все же продолжили! – отрезал Руденко. – Значит, солдаты вермахта под вашим руководством продолжали убивать мирных граждан?..

Старик опустил голову.

– Я признаю себя виновным, вне всяких сомнений. Но когда, скажите, война не несла разрушений и бед для мирного населения? Или вы скажете, что немецкий народ после нашей позорной капитуляции – подписанной, кстати говоря, мною, – понес меньше потерь?

– Что вы имеете в виду?

– Только факты, – спокойно отвечал фельдмаршал. – Передо мной – приказ командующего армией генерала И. Д. Черняховского, первым ступившего осенью 1944 года на прусскую землю: «Мы шагали 2000 км и видели уничтоженными всё то, что было создано нами за предыдущие 20 лет. Теперь мы стоим перед логовом, из которого напали на нас фашистские агрессоры. Мы остановимся только тогда, когда выкурим их из своего логова. Мы никому не должны давать пощады, так же, как они не давали пощады и нам. Страна фашистов должна стать пустыней, как наша страна,

---

⁵ Кейтель В. Размышления перед казнью. – М., 2012 г., 164 с., ISBN: 978-5-9533-6309-9

которую они сделали пустыней. Фашисты должны быть уничтожены так же, как они убивали наших солдат.»⁶

Литераторы Эренбург и Симонов ответили ему таким стихотворением:⁷

«Если немца убил твой брат,
Пусть немца убил сосед, —
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправданья нет.
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят.
Если немца убил твой брат, —
Это он, а не ты солдат.

Так убей же немца, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвым стоял.
Так хотел он, его вина, —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.

---

⁶ Günter Böhdeker, «Die Flüchtlinge. Die Vertreibung der Deutschen im Osten». Ву F. A. Herbig Verlagsbuchhandlung, München, Berlin. 1980. Стр. 77. ISBN 3-7766-1042-5.

⁷ Ортенберг Давид. Год 1942: Рассказ-хроника / Предисл. Л. Лазарева. — М.: Политиздат, 1988. — 460 с.

Пусть исплачется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!»

Но это – всего лишь стихи. А правда какова? Геббельс писал в дневнике 2 марта 1945 года: «... фактически в лице советских солдат мы имеем дело со степными подонками. Это подтверждают поступившие к нам из восточных областей сведения о зверствах. Они действительно вызывают ужас. Их невозможно даже воспроизвести в отдельности. Прежде всего следует упомянуть об ужасных документах, поступивших из Верхней Силезии. В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от десяти до 70 лет. Кажется, что это делается по приказу сверху, так как в поведении советской солдатни можно усмотреть явную систему. Против этого мы развернем теперь широкую кампанию внутри страны и за границей. Генерал-полковник Гудериан изъявил готовность зачитать перед представителями нашей и зарубежной печати известное воззвание маршала Жукова и затем произвести публич-

но допрос ряда офицеров, возвратившихся к нам из Позена (Познани) и неоднократно видевших собственными глазами произведенные опустошения и совершенные зверства».⁸

Руденко поднялся с места:

– Уважаемый суд, прошу прекратить оглашение письменных свидетельств. Во-первых, потому что Трибунал уже высказал свое критическое отношение к аффидевитам подобного рода, а во-вторых, простите... кто такой Геббельс? Почему мы должны здесь заслушивать мнения главного пропагандиста рейха, у которого не хватило даже мужества предстать перед судом?!

Не дожидаясь ответа суда, инициативу перехватил его адвокат:

– Господин генерал прав. Геббельсу, конечно, веры нет. Спросим простых солдат. Наиболее успешный ас в истории воздушной войны Эрих Альфред Хартманн, одержавший 352 победы, сдался американцам в плен. На пути в Регенсбург идущая под американским конвоем колонна, в которой находились пилоты и сотрудники военной базы с их семьями, была перехвачена советской танковой частью. Немедленно мужчины были отделены от женщин и детей, причём женщин, независимо от возраста, раздели и началось их изнасилование. Только двум девушкам удалось бежать к американцам, которые отогнали красноармейцев под угрозой оружия и спешно уехали. При этом Хартманн стал очевидцем про-

---

⁸ Геббельс Й. Последние записи. – Смоленск.: Русич, 1998.

должавшегося в течение более суток массового изнасилования на глазах их мужей и отцов, находящихся под прицелом автоматов ждавшей своей очереди смены советских солдат, их жён и дочерей, в том числе заканчивавшегося смертью малолетних. Некоторые немцы повесились ночью на бортах своих грузовиков после того, как задушили сами своих женщин, чтобы избавить их от дальнейших издевательств. Через некоторое время изнасилование внезапно прекратилось, но ночью некоторые бойцы вновь отправились в лагерь пленных и снова изнасиловали одну девочку... Время и место этого события точно установлено: окрестности чешского города Писек 24—26 мая 1945 года, и потому может, при наличии доброй воли, быть проверено.⁹

На сей раз оглашения подобных фактов не стерпел не менее ретивый, чем Руденко, судья от СССР.

– Ну хватит. Разобрались с аффидевитами – не оглашать! Роман Андреевич, продолжайте допрос.

– То, о чем вы говорите, подсудимый, есть месть нашего поработанного народа вашему народу – поработителю. Нет в этом ничего сверхъестественного. Однако, есть рациональное зерно. И состоит оно в том, что даже вам – как вы говорите, солдату фюрера, – есть, за что мстить...

– И за что же?

---

⁹ Толивер Р. Ф., Констебль Т. Дж. Эрих Хартманн – белокурый рыцарь рейха / Пер. с англ. и вступление А. Больных. – Екатеринбург: Зеркало, 1998. – 311 с. – Тираж 900 экз. ≡ Toliver Raymond F., Constable Trevor J. The Blond Knight of Germany. – McGraw-Hill Professional, 1986

Руденко ухмыльнулся и стал зачитывать.

– 12 мая 1941 г. был разработан вопрос об обращении с пленными русскими политическими и военными работниками. Вы помните этот документ? Я имею в виду документ от 12 мая 1941 г., которым устанавливалось, чтобы политических руководителей Красной Армии не признавать военнопленными, а уничтожать. Он озаглавлен «По вопросу обращения с пленными русскими политическими и военными работниками».

Кейтель сразу поправил его:

– Это не приказ. Это – просто докладная записка из отдела обороны страны с замечанием о том, что не достает еще соответствующих решений фюрера. Докладная записка основана на предложении, сделанном в одном приказе. Я сейчас вспоминаю об этом. Я тогда видел эту докладную записку, но результаты доклада не зафиксированы, здесь только говорится о предложении относительно урегулирования данного вопроса в духе упомянутого предложения, о чем сообщили затем сухопутным силам, когда фюрер одобрил его, или, обсудив с главнокомандующим сухопутными силами, разрешил этот вопрос.

– Подсудимый Кейтель, – настаивал Руденко, словно бы не слыша слов допрашиваемого, – я вас спрашиваю о приказе, изданном для подавления освободительного движения в оккупированных областях. Это приказ от 16 сентября 1941 г. (номер СССР-98). Я вам напомню одно место из это-

го приказа. Там говорится: «Чтобы в корне задушить недовольство, необходимо по первому поводу, незамедлительно принять наиболее жесткие меры, чтобы утвердить авторитет оккупационных властей и предотвратить дальнейшее распространение...» И – дальше: «При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости». Вы помните это положение, основное положение приказа, что «человеческая жизнь абсолютно ничего не стоит». Помните вы эту фразу?

– Да. Эти слова в приказе не стоят, но фактом является то, что на юго-востоке и частично на территориях советских областей человеческая жизнь не принималась в расчет в том объеме, в котором это следовало. Это мнение было известно из фактов, которые относятся ко многим годам.

Обвинитель снова не слышал неудобных фраз фельдмаршала и продолжал гнуть свою линию. Присутствующие, в том числе и судьи, слышали это, но в целом не возражали – общая канва была верной:

– В этом же приказе в пункте «Б» говорится: «Искуплением за жизнь немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна служить смертная казнь 50—100 коммунистов. Способ казни должен увеличивать степень устрашающего воздействия». Правильно?

– Немецкий текст несколько другой, – снова уточнил

Кейтель. – «В этих случаях необходимо вообще устанавливать смертную казнь для 50—100 человек». Это – немецкий текст... Я этот приказ подписал, однако те числа, которые там указаны, являются личными изменениями в приказе, именно личными изменениями Гитлера.

– А какие числа вы представили Гитлеру?

– Пять-десять человек. Это – та цифра, которую я указал в оригинале.

– Значит, у вас расхождение с Гитлером было только в числах, а не по существу? – нажимал прокурор.

– Смысл был таков, что для достижения устрашающего воздействия за жизнь одного немецкого солдата необходимо было потребовать несколько человеческих жизней, – спокойно, но с видимым чувством стыда отвечал престарелый вояка. – Вообще существовало принципиальное разногласие, которое, однако, в последнем счете не может быть оправдано, так как я подписал этот приказ, этого требовала занимаемая мною должность. Имелась принципиальная разница в отношении решения всего вопроса.

Понимая, что дальнейшая беседа об этом документе снова может быть не на руку обвинению и уже, очевидно, устав от тузов в рукаве защиты, Руденко поспешил переключить вопрос на другой:

– Я хочу напомнить еще об одном приказе. Это приказ от 16 декабря 1942 г. Документ предъявлен суду под номером СССР-16. Я буду вас спрашивать, подсудимый Кейтель,

по одному только вопросу в связи с этим приказом. В пункте первом этого приказа (третий абзац) обратите внимание на следующую фразу: «Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей, если это только способствует успеху»...

Но Руденко именно поспешил. Кейтель после вопроса как будто бы воспрянул духом и стал подробно рассказывать:

– Мероприятия применялись постольку, поскольку нужно было женщин и детей удалить из района боевых действий или района действий партизанских банд, однако никогда не имелись в виду жестокости или убийства женщин и детей. Никогда. Я считал правильным эти мероприятия и признаю, что они проводились, но это ни в коей степени не были мероприятия по убийству людей. Это было бы преступлением.

– Любые средства включают убийство? – уточнил советский обвинитель.

– Да, но не по отношению к женщинам и детям.

– Но в приказе сказано: любые средства в отношении женщин и детей?

– Нет, там написано «...не останавливаться перед мероприятиями против женщин и детей». Никогда немецкому солдату и немецкому офицеру не могла прийти в голову мысль убивать женщин и детей.¹⁰

---

¹⁰ Цитата стенограммы по: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 тт.

Игру слов с обеих сторон из зала наблюдал Вышинский. Он был лично знаком с Кейтелем – 8 мая 1945 года вместе с маршалом Жуковым принимал он капитуляцию на правах юридического советника советского командования. Знал он и о том, что большинство приказов, которые Руденко переводил и толковал с небольшими «поправками» в пользу потерпевшей стороны, исходили от Гитлера и Гиммлера и только визировались Кейтелем по должности. Никуда не денешься. За то многие за глаза и называли его «Лакейтель».¹¹ Но прощать ему этого он не спешил. Во-первых, ненавидел его по причине слишком уж долгой капитуляции – не мог простить старику то, что он не в силах был смириться с разгромом своей, некогда великой, армии. А во-вторых, презирал за... ту же капитуляцию. Раз сдался, значит, плохой солдат. Хороший должен воевать до смерти. (Прав был Черчилль, сказавший в Фултоне, что русские уважают силу и не уважают слабость.) Потому по нему он уже принял решение – смерть – и даже поднял в честь этого тост накануне вечером, за ужином в «Гранд-отеле». И показания его мало интересовали всесильного сталинского палача. Они были нужны для другого. То есть, для других...

(Под ред. К. П. Горшенина). – М., Юридическая литература, 1955 г.

¹¹ Barnett C. Hitler's Generals. – New York, NY: Grove Press, 1989. – 528 p. – ISBN 0-802-13994-9.

Вильгельм Кейтель

Руденко прервал ход его мыслей:

– Сейчас я хочу обратиться к вопросу об обращении с советскими военнопленными. Я не намерен вас допрашивать

по вопросу о клеймении советских военнопленных и других фактах, они достаточно известны Трибуналу. Я вас хочу спросить по поводу одного документа – доклада Канариса от 15 сентября 1941 г. Он зарегистрирован под номером ЕС-338. Как вы помните, даже германский офицер обратил внимание на исключительный произвол и беззаконие, допускаемые в отношении советских военнопленных. В этом докладе Канарис указывал на массовые убийства советских военнопленных и говорил о необходимости решительного устранения этого произвола. Вы были согласны с положениями, которые выдвинул Канарис в своем докладе на ваше имя?

Кейтель округлил глаза.

– Канарис? На мое имя?! Мне ничего не известно об этом документе!

– Представляю его вам для личного ознакомления...

Кейтель внимательно стал изучать протянутую прокурором бумагу. Она была выполнена на бланке руководителя абвера, на ней стояла его подпись, но фельдмаршал не мог вспомнить, чтобы Канарис высылал ему нечто подобное.

– Клянусь вам, это... этого не может быть! Я не получал от покойного Канариса подобного документа!

Руденко в ответ только натянуто улыбнулся:

– Ясно. Будете изворачиваться...

В это время в кабине советских переводчиков сидели Та-

тьяна Трубецкая и ее помощница Нина Шацкая. Княгиня диктовала, а помощница записывала, краем уха слушая речь подсудимого через наушники:

– «...Мне документ знаком... Я его получал... Больше ничего сказать не могу...»

Исполнительница прервалась.

– Татьяна Андреевна, но как же это?.. Он же другое сказал...

– Пиши, что тебе говорят. Все равно война все спишет.

– Что это значит?

– Что скоро тут камня на камне не останется. И проверять некому будет, правду ли мы сказали и правду ли мы написали. А иногда, во имя истории, знаешь, неплохо солгать – про ложь во спасение слышала? Все от нас будет зависеть.

– А другие? Куда они денутся?..

Трубецкая посмотрела на помощницу, натянуто улыбнувшись:

– Не переживай. Туда, откуда не возвращаются.

Через час Шейнин и Даллес вместе выходили из Дворца правосудия, чтобы прогуляться и подышать мартовским воздухом. Маленький зал заседаний был очень душным, а с приходом весны все больше времени хотелось проводить на воздухе. Пусть и не таком теплом, как в мае, а все же обещавшем, согласно старой доброй традиции, нечто хорошее каждому. Непонятно, во что, но верилось и Шейнину, и Даллесу.

– Интересно, Кейтель блефует? – задумчиво спросил Даллес.

– А зачем ему? Он – человек старый, – так же рассудительно отвечал советский обвинитель. – По-моему, с жизнью он уже простился.

– Неужели фальсификация?

– Вне всяких сомнений.

– Но кто?

Шейнин хитро улыбнулся, глядя на своего собеседника.

– Помнишь, я тебе рассказывал про «Четвертый рейх»? Про возможное сотрудничество Берии с англичанами? Ведь именно из-за этих подозрений Сталин не допустил его к работе над этим процессом...

– Помню. И что?

– А то, что именно МИ-6 объединяет Канариса и Берию.

– Не может быть... – хлопнул себя по лбу Даллес.

Информация к размышлению (Вильгельм Франц Канарис). Будущий адмирал родился 1 января 1887 г. в семье хорошо обеспеченных «белых воротничков» провинциального разлива, что и сформировало главу немецкой разведки как личность. Достаток позволяет не суетиться, не кланяться лишней раз сильным мира сего. Образование дает возможность реализовать себя. Ну, а отдаленность от столиц – едва ли не залог удачной карьеры. В общем, Канарис был смел, решителен, умен, интеллигентен, порядо-

чен. Он мог преуспеть на любом поприще. Но проявил настойчивое желание стать военным моряком.

Невысокого роста, скромный, со склонностью к иностранным языкам (английский, французский, испанский, русский) и умением буквально впитывать в себя нравы и привычки чужих стран и народов, Канарис быстро зарекомендовал себя как хороший специалист, дисциплинированный офицер и... отличный разведчик. Первое же «деликатное» задание – аудит строительства железной дороги, финансируемой рядом немецких банков, на Балканском полуострове, он выполнил блестяще.

Вильгельм Франц Канарис

Дальше – больше. Началась первая мировая. Канарис воюет, попадает в плен, длительное время скрывался в США, затем благодаря отличному знанию испанского, выдает себя за чилийца и по фальшивым документам, выдержав множество проверок, возвращается в Германию.

Следующее назначение Канариса имеет уже прямое отношение к тайной деятельности. В качестве сотрудника аппарата немецкого морского атташе в Испании будущий шеф абвера создает агентурную сеть, вербуя агентов из числа испанцев для наблюдения за вражескими и нейтральными судами в местных портах. С некоторыми из агентов Канарис будет работать долгие годы.¹²

Затем – затишье. До 1923 года Канарис практически не занимается разведкой. Он командует подводной лодкой, работает в штабе министерства обороны, занимает должность помощника командира на крейсере «Берлин». Кстати, среди подчиненных Канариса – Рейнхард Гейдрих, будущий глава нацистского Управления имперской безопасности и один из могущественных соперников и недругов адмирала.¹³

Новое назначение Канариса – главой одного из отделов управления морского флота военного министерства – связано с размещением заказов на строительство кораблей и под-

---

¹² Мельников Д., Чёрная Л. Двудесятилетний адмирал. Главарь фашистской разведки Канарис и его хозяева. – М.: Политиздат, 1965. – 128 с.

¹³ Abshagen, Karl Heinz. Canaris. Patriot und Weltbürger. – Stuttgart, 1949.

водных лодок через подставные фирмы нейтральных стран, в обход условий Версальского договора, запрещающего Германии иметь военный флот. Работа требует создания собственной агентуры и активизации уже имеющихся связей и Канарис буквально набрасывает разведывательную сеть на крупнейшие судостроительные фирмы Европы. Затем было сотрудничество с испанскими спецслужбами и подписание «Соглашения о взаимных отношениях между полицейскими управлениями Испании и Германии». Через Канариса было организовано обучение немецких летчиков в Марокко.

В 1935 году Канарис получает приказ возглавить абвер – отдел разведки и контрразведки военного министерства. Это ведомство было подчинено ВМФ и отвечало за борьбу с иностранными шпионами и сбор разведывательной информации в Германии, и за ее пределами. Также – это была уже не официальная сторона дела – абвер находился в постоянном конфликте с нацистскими спецслужбами СД и гестапо.

Под чутким руководством Вильгельма Канариса абвер из небольшой службы превратился в важнейший инструмент гитлеровской политики, обеспечивая секретность военных приготовлений Германии, внезапность ее нападений, а также успех «блицкрига» путем дезорганизации и развала тыла стран, избранных объектами агрессии. При участии абвера совместно с СД (внутрипартийная служба безопасности) была подготовлена известная провокация в Гливице, послужившая предлогом для нападения Германии на Поль-

шу. Вечером 31 августа 1939 г. люди в польской военной форме захватили немецкую радиостанцию в небольшом германском городе Гливице, вблизи польской границы. После один из участников «нападения» зачитал по радио ложное сообщение на польском о том, что польская армия пересекла германскую границу и овладела немецкой радиостанцией. Сделав несколько выстрелов у микрофона, «террористы» покинули здание радиостанции. Неподалеку от здания остались лежать трупы тринадцати немецких заключенных, приговоренных к смертной казни, и одетых в польскую военную форму.

Участвовал абвер и в подготовке агрессии против Дании, Норвегии, Бельгии, Нидерландов и СССР. Во время войны боролся с партизанским движением, разведчиками-парашютистами, занимался пропагандой среди населения оккупированных территорий. Однако в феврале 1944-го в связи с рядом неудач в деятельности против СССР и в результате конкурентной борьбы с другими органами разведки, а также с падением доверия нацистской верхушки лично к Канарису, абвер был расформирован.

Руководители разведок редко становятся всеобщими любимцами. Канарис не стал исключением. После покушения на фюрера в июне 44-го один из заговорщиков дал показания против адмирала, но того лишь уволили со службы. Однако уже вскоре вместе с другими подследственными Канарис был отправлен в концлагерь.

Последняя перемена в его судьбе была традиционно спешной. По непонятной причине, в апреле 1945 г., во время наступления союзников на Нюренберг, Канариса спешно приговорили к смертной казни через повешенье. Офицер, присутствовавший, позже свидетельствовал, что последними словами адмирала были: «Я не предатель. Как немец я лишь исполнял свой долг». К месту казни Канариса волочили за ноги. За несколько минут до этого, находясь в камере концлагеря Флоссенбург, он передал тюремной азбукой Морзе, с помощью ложки и курительной трубки, несколько прощальных слов тем, кто сможет услышать. Его повесили на «железном воротнике». Этот садистский способ казни Гиммлер применял к личным врагам: тонкая стальная проволока, в отличие от веревки, вытягиваясь и пружиня, несколько раз «отпускала» свою жертву. «Маленького адмирала сегодня утром повесили, – рассказывал стражник одному из узников лагеря, – его несколько раз вздергивали и потом снова опускали. Он был такой живучий». Процедура заняла более получаса...¹⁴

Канариса казнили 9 апреля 1945 г., за месяц до крушения фашистского рейха, по обвинению в измене и участии в заговоре против Гитлера. Отныне он – человек, возглавлявший самую хитроумную и изощренную разведку Европы, на совести которой миллионы человеческих жизней – стал «борцом

---

¹⁴ Вильфред фон Офен. Вильгельм Канарис. Адмирал и его доля ответственности за ход войны. – Изд. «Дойче Ферлагсгезельшафт», 2002.

с фашизмом». По понятной теперь причине ему решено было приписать трогательную заботу о советских военнопленных, якобы проявленную в письме на имя Кейтеля. Причина проста – Интеллидженс сервис своих не бросает. Ему не забыли того добра, которое он сделал англичанам, будучи агентом их разведки в самом сердце рейха. Видимо, по той же причине его столь спешно и казнили – Гитлер не хуже англичан помнил и хорошее, и плохое...

Во всяком случае, об этом свидетельствуют факты. В 1936 г., сразу после начала фашистского мятежа, Канарис прибывает в Испанию. Близкий друг Франко еще с 20-х годов, он организует снабжение мятежников оружием. Являясь личным представителем Гитлера при «каудильо» на протяжении всего периода гражданской войны, Канарис становится ключевой фигурой в организации германо-фашистской интервенции, осуществлявшейся под руководством абвера. Свое пребывание в Испании он использует для создания широко разветвленной агентурной сети, которая была призвана стать в будущем опорой его огромной тайной империи, способной в случае необходимости пережить и смену режима в Германии.

В те дни Интеллидженс сервис получает первый сигнал, заставивший обратить более пристальное внимание на шефа абвера. Один из ее агентов сообщил о «весьма сдержанном» отношении Канариса к гитлеровской верхушке и высказал мысль, что его можно перетянуть на сторону британ-

ской разведки в качестве «дремлющего партнера». Руководство «МИ-6» ломало голову над смыслом сказанного. Формула была весьма расплывчата, и ее автором был, по-видимому, сам «хитроумный Одиссей» – так нередко называли Канариса в его окружении. Предлагал ли он англичанам свое сотрудничество против Гитлера или, наоборот, выполнял волю последнего? Одни были готовы видеть в этом редкую удачу, другие – опасную западню. Соблюдая осторожность, обе стороны пошли на развитие возникших контактов.

Незадолго до описываемых событий целая вереница фургонов для мебели и клетей с лошадьми для верховой езды появилась в небольшой деревушке Люкингтон, в графстве Уилтшир, к западу от Лондона. Затем прибыл со своей любовницей Виолеттой фон Шредер некий Треек, арендовавший здесь виллу. Новым знакомым он всегда говорил, что его отец – помещик из Прибалтики, бежавший из России после революции. Если речь заходила о коммунизме, показывал оставшийся на шее шрам от пули – «чудом спасся» от большевиков, приговоривших его к расстрелу... Треека сразу же благосклонно принял английский «высший свет». Он участвовал в дорогостоящих охотничьих забавах, когда и установил непосредственный контакт с узким кругом наиболее влиятельных представителей английской земельной аристократии и финансового капитала. Путь к этому ему открыли солидный счет в банке, шрам на шее и... помощь главы Секретной разведывательной службы Великобритании Стюарта

Мензиса, загородное поместье которого «случайно» оказалось по соседству и было отделено от арендованного Трееком участка лишь живой зеленой изгородью.¹⁵

Агент абвера Треек был направлен в Англию «для установления контактов с британской ветвью „Синего интернационала“ – небольшой, тесно связанной группой политической и торговой аристократии, в руках которой находилась подлинная власть в Европе».¹⁶ Охота, и в частности «охота Бофора», проводившаяся под руководством герцога Бофора, штальмейстера Букингемского дворца, представляла собой, пишет он, «в такой же степени политический заговор, как и спорт». Одним из видных участников «охоты Бофора» был и Мензис. Однажды, прогуливаясь в парке, Треек сообщил, что направлен в Англию Канарисом специально для установления с ним связи, а в случае надобности обеспечить контакт «в таких вопросах, которые будут представлять интерес для нас обоих». Мензис не высказал возражений.

Арендовав фешенебельный особняк в Лондоне и еще одно загородное поместье в самом центре охотничьих угодий в графстве Нортхэмптоншире, Треек пробыл в Англии до самого начала второй мировой войны. Все это время он находился в тесном контакте с наиболее реакционными и ан-

---

¹⁵ И. Колвин. Двойная игра // Секретные миссии: сборник / ред. Соминский Е. М. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1964. – С. 9—210. – 680 с. – 100 000 экз.

¹⁶ Овсяный И. Д. 1939: последние недели мира. – М., Политиздат, 1981 г.

тисоветскими кругами правящего класса Великобритании. Во время охоты он нередко оказывался рядом с Мензисом, и когда его лошадь прыгала через препятствие, последний кричал ему в шутку: «Дойчланд юбер аллес!» Подлинное лицо Треека, таким образом, ни для кого из участников великосветских забав и изысканных застолий не являлось загадкой. Но никто и не спешил срывать с него какие-либо маски – контакт с Канарисом (о котором, кстати, адмирал подробно написал в своем дневнике, обнаруженном после казни¹⁷) был выгоден как в начале, так и в конце войны, когда стало очевидным скорое начало раздела захваченных немецких территорий. Адмирал мог помочь своим британским друзьям в этом вопросе.

Да и Канарис, как видим, был не против этого... Еще в 1935 г. ему было присуще убеждение, что войну выиграет то государство, на чьей стороне будут США. Полагая, что Англия в случае войны, безусловно, сможет рассчитывать на американскую помощь, «двуликий адмирал» считал необходимым с точки зрения интересов германского империализма избежать войны с Англией. Его, таким образом, вполне устраивали разбойничьи гитлеровские планы «похода на Восток» при участии Великобритании или хотя бы с ее молчаливого согласия, и он активно содействует подготовке нацистской агрессии. Но когда, в частности накануне Мюн-

---

¹⁷ Bassett, Richard. Hitler's Spy Chief: The Wilhelm Canaris Betrayal (англ.). – New York: Pegasus Books, 2011. – ISBN 978-1-60598-450-6.

хена, среди группы германо-фашистских генералов и дипломатов возникли опасения, что кризис приведет к конфликту с Англией, Канарис оказался на стороне тех, кто хотел предотвратить такое развитие событий.

Все это не могло не отложиться в памяти Гитлера. Вкупе со вновь вскрывшимися обстоятельствами (определенно это были дневники Канариса и операция «Санрайз», в ходе которой весной 1945 года представители МИ-6 сообщили немцам о многолетней работе на них главного шпиона абвера), это сыграло свою роль при принятии решения о судьбе адмирала последней военной весной 1945 года.

– То есть, ты думаешь, что бланки абвера могли оказаться в руках Берии по линии МИ-6? – уточнил американец.

– Запросто. Но это не самое страшное для советского обвинения, что может обнаружиться в ближайшее время, – протянул Лев Романович.

– Секретные протоколы?

– Именно. Никитченко всего лишь затянул время, но оно все равно настанет – рано или поздно. И вот что тогда делать – большой вопрос. Однако, всем зевакам, которые еще не успели опомниться от смерти Зори, уже сейчас понятно, на чьих руках кровь моего коллеги! Что бы ты сделал на месте Сталина? Ведь делать-то что-то надо!

Даллес задумался.

– Определенно, ничего хорошего.

18. «Собибор»

17 марта 1946 года, Нюрнберг, Дворец правосудия

– Подсудимый Кальтенбруннер, – начал Руденко допрос очередного обвиняемого, – вы были начальником Главного управления имперской безопасности (РСХА), деятельность которого сводилась к шпионским акциям, политическим убийствам, репрессиям и организации деятельности концлагерей. Признаете ли вы себя в этом виновным?

– В руководстве РСХА – конечно, – стараясь держаться невозмутимо, отвечал допрашиваемый, – если, разумеется, является преступлением занятие должности в службе контрразведки. Держу пари, что у каждой из стран-союзниц есть своя контрразведка, и никому из вас в голову не приходит обвинять ее руководство в борьбе со шпионами, пусть бы она велась и не в белых перчатках.

– Перестаньте! – оборвал его председательствующий Лоренс. – Вас здесь обвиняют не в руководстве контрразведкой, а в организации концлагерей!

– Впервые об этом слышу...

Тут не выдержала уже скамья подсудимых. Геринг всплеснул руками от такой лжи, подскочил с места и рывкнул на весь зал:

– Нет, вы только послушайте! Каждый защищается, как

может, но отрицать очевидное – верх цинизма, недостойного члена НСДАП! Тоже мне, белоручка...

Председательствующий осадил наци №2, но его высказывание не лишено было правды – именно такое впечатление производила на всех, без исключения, присутствующих, наглая ложь Кальтенбруннера. Никто из подсудимых, избирая линию защиты и претворяя ее в жизнь при помощи недомолвок, недосказанностей и непониманий, якобы имевших место, а равно встречных обвинений в адрес союзников, никогда не опускался до отрицания общеизвестных фактов, до такой банальной лжи. Хотя положение этого человека было незавидным, и, наверное, многие бы не поскупились на вранье, чтобы из него выпутаться...

Информация к размышлению (Эрнст Кальтенбруннер). Родился Эрнст Кальтенбруннер 4 октября 1903 года в городской общине Рид, Австро-Венгрии. Его далекие предки были кузнецами, но уже дед выучился на адвоката, а потом более двадцати лет работал бургомистром небольшого австрийского городка Эфердинг. Отец тоже выбрал профессию юриста, поэтому по идее ему ничего не оставалось, как пойти по стопам предков. Однако, получив среднее образование, он поступил на химический факультет в Высшей технической школе в Граце. По словам его однокурсников, Кальтенбруннер не отличался ни особым прилежанием, ни трудолюбием, не очень утруждал себя учебой. Вел себя

агрессивно, часто участвуя в модных тогда студенческих дуэлях. И он имел хорошие физические данные для этого: рост в метр девяносто с широкими плечами и тонкими, но сильными кистями. Его рост еще станет предметом для обсуждения – после ареста весной 1945 года весь мир облетит его фотография в сопровождении двух американских солдат, над которыми он будет возвышаться едва ли не на две головы.

Эрнст Кальтенбруннер

На память о бурной молодости у него на лице остались глубокие шрамы, которые, по словам Генриха Гейне, «без-

дельники носили как свидетельство их мужественности». Остепенившись к годам двадцати, он поступил на юридический факультет Зальцбургского университета, после окончания которого он еще в 1926 году получил и докторскую степень в юриспруденции. Немного поработав в городском суде Зальцбурга, Эрнст Кальтенбруннер открыл собственную юридическую контору в Линце. Как отмечали советские участники Нюрнбергского процесса, он был самым трудным подсудимым, потому что умело пользовался своими навыками «буржуазного адвоката», ловко применяя различные юридические уловки. После шести лет адвокатской практики он вступил в Национал-социалистическую партию, стал активным членом охранных отрядов СС.

Благодаря своей физической мощи и умению манипулировать людьми, Эрнст Кальтенбруннер заметно выделялся среди боевиков, в числе которых в основном были малограмотная молодежь и безработные ветераны Первой мировой войны. Его много раз арестовывали за участие в силовых акциях, но ему удавалось каждый раз избегать более или менее серьезных наказаний.

В 1934 году боевики СС ворвались в кабинет канцлера Австрии Дольфуса, в перестрелке его ранили в горло. Полторы сотни австрийских эсэсовцев, среди которых был и Эрнст Кальтенбруннер, никому не позволили оказать медицинскую помощь истекающему кровью Дольфусу. После этого убийства его карьера резко пошла вверх, он становится

лидером СС Австрии. Почти в каждой изданной биографии Эрнста Кальтенбруннера описана первая встреча с Генрихом Гиммлером, когда он мелодраматически сказал: «Рейсхфюрер, австрийские СС ждут ваших указаний!». В начале июня 1941 года ему присваивают звание бригаденфюрера СС, назначают командующим СС и полиции Вены.

Не выдерживая бремени свалившейся на него власти и нервного напряжения, связанного со стремлением удержаться на вершине власти, он начал пить. Сначала маленькими рюмочками коньяк для поддержания тонуса, потом с утра до вечера, а иногда и до утра. Постоянно курил, причем дешевые сигареты, потому что они крепче, а официально, чтобы быть ближе к нации. В своих мемуарах Вальтер Шелленберг поделился впечатлением от первой встречи с Кальтенбруннером: «Когда я увидел его, меня чуть не стошнило. У него во рту было всего лишь несколько зубов, причем все гнилые. В результате он говорил невнятно, и я с трудом понимал его речь с сильным австрийским акцентом. На Гиммлера это тоже произвело чрезвычайно неприятное впечатление, и он в конце концов приказал Кальтенбруннеру пойти к зубному врачу... Он смотрел на вас в упор, подобно змее, жаждущей проглотить свою жертву. Когда его просили высказать мнение по тому или иному вопросу, его угловатое деревянное лицо не менялось в выражении; только спустя несколько секунд угнетающего молчания он ударял по столу и начинал говорить. Когда я смотрел на его руки, у меня все-

гда было такое чувство, что это конечности старой гориллы. Они были слишком короткие, а пальцы пожелтели от дыма – Кальтенбруннер курил по сто сигарет в день».¹⁸

Несмотря на явный алкоголизм, в 1943 году его назначают руководителем РСХА (Главного управления имперской безопасности). Как считают, решающим фактором стало то, что он был верным человеком Гимmlера, надежным и неоднократно проверенным. Кроме того, Эрнст Кальтенбруннер считался лучшим специалистом по организации и действиям специальных отрядов. О его невероятной трудоспособности ходили легенды, как и об оголтелом антисемитизме. Управление занималось тайными операциями по всему миру, включая поддержку борьбы горских племен Ирана, Индии, Ирака с британцами, создание «пятой колонны» в Латинской Америке, диверсии в Советском Союзе, внедрение провокаторов в отряды югославских и французских партизан. Специальные группы занимались диверсиями и политическими убийствами. Надо сказать, что разоблачение Канариса и не беспочвенное обвинение его в сотрудничестве с англичанами – дело рук Кальтенбруннера. Однако, были в его деятельности и грехи посерьезнее...

Он сам лично активно занимался вопросами создания и функционирования концентрационных лагерей. Самым зловещим его детищем был Маутхаузен, который считался

---

¹⁸ Шелленберг, В. Мемуары. – Минск: Родиола плюс, 1998. – ISBN 985-448-006-2

местом заключения самых опасных «преступников» без надежды на «исправление». Он был построен у каменоломни города Маутхаузен недалеко от австрийского Линца сразу после аншлюса. За время существования этого концлагеря через него прошло 335 тысяч узников из 15 стран, более трети из которых были замучены.¹⁹ Среди убитых в Маутхаузене было 32 тысячи советских граждан, в основном военнопленных. На процессе в Нюрнберге уцелевший заключенный этого лагеря Франсуа Буа показал: «Первые военнопленные прибыли в 1941 году. Было объявлено о прибытии двух тысяч русских военнопленных. По отношению к ним были приняты такие же меры предосторожности, как и по прибытии военнопленных испанцев-республиканцев. Везде вокруг барачных бараков были поставлены пулеметы, так как от новоприбывших ожидали самого худшего. Как только русские военнопленные вошли в лагерь, стало ясно, что они находятся в ужасном состоянии. Они даже ничего не могли понять. Они были так обессилены, что не держались на ногах. Их тогда поместили в бараки по 1600 человек в каждом. Следует отметить, что эти бараки имели семь метров в ширину и 50 метров в длину. У них была отобрана вся одежда, которой и без того было очень мало. Им было разрешено сохранить только брюки и рубаху, а дело было в ноябре месяце. В Маутхаузене было более 10 градусов мороза. По при-

---

¹⁹ Лаффит Ж. Живые борются // Электронная версия. – Москва: Иностранная литература, 1948.

бытию оказалось, что 24 человека из них умерло в то время, как они шли 4 километра, отделявшие лагерь Маутхаузен от станции. Сначала к ним была применена та же система обращения как к нам, испанцам-республиканцам. Нам сначала не дали никакой работы, но почти нечего не давали есть. Через несколько недель они были совершенно без сил, и тогда к ним начали применять систему истребления. Их заставляли работать в самых ужасных условиях, избивали, били палками, над ними издевались. Через три месяца из 7000 русских военнопленных в живых остались только 30...

Был один так называемый 20-й барак. Этот барак находился внутри лагеря, и несмотря на электрифицированные проволочные ограждения вокруг всего лагеря, вокруг этого барака была дополнительная стена, по которой проходила проволока с электрическим током. В этом бараке находились русские военнопленные – офицеры и комиссары, несколько славян, французов и даже, как мне говорили, несколько англичан. Никто не мог входить в этот барак, кроме двух начальников – коменданта внутреннего лагеря и комендантов внешних лагерей. Эти заключенные были одеты как, каторжники, но они не имели никаких номеров... Я знаю подробно, что происходило в этом бараке. Это был как внутренний лагерь. В нем находились 1800 человек, которые получали менее одной четверти того рациона пищи, который получали мы. У них не было ни ложек, ни тарелок. Из котлов им выбрасывали испорченную пищу прямо на снег и выжида-

ли, когда она начнет леденеть. Тогда русским приказывали бросаться на пищу. Русские были так голодны, что дрались, чтобы поесть, а эсэсовцы этим пользовались как предлогом, чтобы избивать их резиновыми палками... В январе 1945 года, когда русские узнали, что Советская Армия приближается к Югославии, они испробовали последнюю возможность: они взяли огнетушители, перебили солдат охранного поста, захватили ручные пулеметы и все, что они могли использовать в качестве оружия. Из 700 человек только 62 смогли убежать в Югославию. В тот день Франц Цирайс, комендант лагеря, дал по радио приказ всем гражданам, чтобы они помогли «ликвидировать русских преступников», убежавших из лагеря. Он объявил, что тот, кто докажет, что он убил хоть кого-нибудь из этих людей, получит крупную сумму в марках. Поэтому все сочувствующие нацистам в Маутхаузене занялись этой поимкой и им удалось убить более 600 убежавших, что было, между прочим, нетрудно, так как некоторые из русских не могли проползти более десяти метров».²⁰

Уже став шефом РСХА Кальтенбруннер любил ездить в Маутхаузен, где специально для него администрация лагеря устраивала показательные казни. В Нюрнберге бывший заключенный этого концлагеря Иоханн Кандута рассказал судьям:

«Вопрос: Скажите нам вкратце, что вы думали об этих по-

---

²⁰ Гордиенко А. Н. Командиры Второй мировой войны. т.1—2. Минск., 1997—1998 т.1 ISBN 985-437-268-5, т.2 ISBN 985-437-627-3

сещениях Кальтенбруннера, то есть, что вы видели, что вы делали и когда вы увидели, что он присутствовал при казнях?

Ответ: Кальтенбруннер со смехом вошел в газовую камеру. Затем людей привели из барака на казнь, и потом были продемонстрированы все три вида казни: повешение, расстрел в затылок и отравление газом. После того, как пыль улеглась, мы должны были оттащить трупы.

Вопрос: Когда вы видели эти различные виды казней, это было демонстрирование способов казней или обычные казни?

Ответ: Я не знаю, были ли это обычные казни или демонстрация...

Вопрос: Известно ли вам, были ли казни назначены на этот день или же это был показ для приехавших?

Ответ: Да, эти казни были назначены на этот день.

Вопрос: Откуда вам было известно, что эти казни были назначены на этот день? Кто-нибудь сообщил вам о том, что казни назначены?

Ответ: Мне сказал об этом начальник крематория гаупт-шарфюрер Рот. Он всегда меня звал к себе в комнату и говорил: «Кальтенбруннер сегодня приедет, и нужно все подготовить для казни в его присутствии». Затем нам нужно было протопить и прочистить печь».²¹

---

²¹ Bertrand Perz. Die KZ-Gedenkstätte Mauthausen: 1945 bis zur Gegenwart. – StudienVerlag, 2006. – P. 190. – 348 p. – ISBN 9783706540254.

Кровожадность пьяницы Кальтенбруннера подтверждалась и его участием в массовых репрессиях, проводимых Гитлером по образу его восточного друга. Так, неудачное покушение на Гитлера 20 июля 44-го года в Растенбурге стало поистине «звездным» часом Эрнста Кальтенбруннера. Уже 21 июля в гестапо была создана специальная комиссия, которой предстояло вести следствие по делу «Черной капеллы». Гестапо арестовало более 7 тысяч человек, 5 тысяч из которых были казнены. Последние массовые расстрелы участников заговора были произведены 23 апреля 1945 года в Берлине непосредственно перед взятием столицы Рейха советскими войсками. За расследование покушения Кальтенбруннер получил от Гитлера Рыцарский крест с мечами. Не забыл он и Мюллера, на которого лично подписал представление к такой же награде. Правда позднее, в зале суда Кальтенбруннер попытался обвинить погибшего при штурме Берлина начальника гестапо в том, что он якобы самолично ставил подпись своего начальника под приказами об аресте. Но заместитель Мюллера Вальтер Гуппенкотен под присягой показал, что «ни один шеф отдела не имел права сам принимать решения в особо важных делах без согласия шефа полиции безопасности., даже в случае его временного отсутствия. Из собственного опыта я знаю, что именно Мюллер при подписании документов был особенно аккуратен и оставлял дела такого рода до возвращения шефа полиции безопасно-

Сейчас, конечно, ему было выгодно отрицать осведомленность о деятельности концлагерей и роли в репрессиях, сваливать все на других (желательно, покойников) и всячески пытаться акцентировать внимание Трибунала только на своей разведывательной деятельности. Для этого он и использовал давно знакомые ему тонкости юридической практики, к числу которых относилось владение презумпцией невиновности – коль отступить некуда, пусть обвинители доказывают, а он будет все отрицать.

– Хотите сказать, – продолжал советский обвинитель, – что вы никакого отношения к деятельности системы концлагерей не имели, и все, собранные следствием, доказательства вашей к тому причастности – фикция?

– Я не исключаю, что был осведомлен об их существовании и о том, что там отбывают наказание преступники, которых ловило и с которыми боролось РСХА. Но о методах...

– РСХА отвечало за пенитенциарную политику рейха! – всплеснул руками Руденко. – Как же вы его возглавляли, если не совершали инспекционных поездок по подконтрольным вам учреждениям?

– Я не сказал, что не совершал их...

– Да и из материалов дела следует, что совершали, и ча-

---

²² Зегер А. Гестапо-Мюллер. Карьера кабинетного преступника. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 384 с. – ISBN 5-85880-445-4.

стенко!

– Но кто вам сказал о том, что я был свидетелем творившихся там зверств? Я о них не знал... – упрямо сопротивлялся загоняемый в угол шеф тайной полиции.

– А кто был их инициатором?

– Очевидно, персонал...

Журналисты в зале стали хохотать.

– Персонал тысяч концлагерей, по собственной инициативе, втайне от руководства рейха и от вас, в том числе, сговорившись между собой, творил бесчинства, а вы – ни сном, ни духом? Кто же их на такое толкал?

– Агитационная и пропагандистская политика, надо полагать. За нее Геббельс отвечал, если вы забыли.

– А о статистике, в том числе по смертности в концлагерях, вы как начальник РСХА что-нибудь слышали?

– У меня для этого были заместители...

– Которые, как и персонал лагерей, вам не подчинялись?

– О каждом шаге не докладывали. Статистикой занималось отдельное подразделение, в работу которого я не вмешивался.

– То есть, о статистике вообще ничего никогда не слышали? – настаивал Руденко.

– Может быть, слышал...

– И такая смертность вас не смутила?

– За смертностью это в ведомство Гиммлера, туда врачи относились.

Зал разразился просто гомерическим хохотом, который Лоренсу с трудом удалось пресечь.

– Хорошо, раз к концлагерям вы отношения не имели, то обратимся к вашей непосредственной деятельности. Контрразведка. Адмирала Канариса вы вскрыли как английского шпиона?

Тут Кальтенбруннера охватила гордость.

– Было такое дело, – отвечал он с некоей ноткой патетики в голосе. – А разве в вашей стране, генерал, со шпионами поступают как-то иначе?

– А как вы поступили с Канарисом?

– Его повесили как собаку на струне в концлагере...

– О работе которого вы, разумеется, ничего не знали?

В зале опять раздался смех. Хлипкая, хоть и верткая, линия защиты главного полицейского рейха рухнула окончательно.

– Хорошо. Я знал о концлагерях и о методах тамошних администраций. А как прикажете поступать с предателями и изменниками? И кроме того – вы так говорите, как будто я один эту систему создал, строил и поддерживал ее работу на протяжении всех 12 лет, что Гитлер был у власти.

– Согласен, систему поддерживала система. Но вы были ее главным функционером, не так ли?

– Да. Одним из главных...

– Хорошо. Какова была главная цель концлагерей?

– Борьба с врагами...

– Уничтожение мирного населения входило в их задачи?

– Да, но не только.

– Что еще? Опыты над людьми?

– В медицинских целях, под надзором врачей...

Такая позиция обвиняемого быстро начала раздражать суд.

– Подсудимый Кальтенбруннер, перестаньте изворачиваться. Вам вменены в вину конкретные действия и обстоятельства, за которые вы отвечали, – гневно рапортовал судья от США Биддл. – Вы, и никто другой. И объяснить их ни разумным началом, ни действиями других людей сейчас не получится. Вас спрашивают только о том, признаете ли вы себя виновным в тех или иных фактических обстоятельствах, и не более.

– Я всего лишь пояснял генералу Руденко, что некоторые концлагеря создавались для достижения вполне производственных и промышленных целей, преследуемых в то время рейхом...

– Только не надо про опыты! – взмахнул рукой Лоренс. – Не держите нас за сумасшедших и сами не пытайтесь выставить себя в таком свете – как показали результаты проведенной экспертизы, это не так...

– Нет, ваша честь, я о другом.

– О чем?

– Лагерь «Собибор».

По залу прокатился рокот – все знали о героическом по-

двиге узников лагеря, поднявших первое и единственное успешное восстание против администрации, да еще в самый разгар войны, осенью 1943 года. Кальтенбруннер попытался ударить по самому больному месту обвинения, а потому удар должен был быть безошибочным.

– Для какой цели он создавался?

– Об этом можно спросить свидетеля Печерского, организатора восстания, русского офицера, чьи показания имеются в деле, но почему-то не в полном объеме...

– Ваше право ходатайствовать о вызове свидетеля, – разъяснил Лоренс. – Генерал Руденко, вы можете обеспечить явку его?

– Нет, ваша честь, – Роман Андреевич опустил глаза и понизил голос, как будто чувствуя за собой вину.

– По какой причине?

– У свидетеля Печерского на Родине проблемы правового характера, придание огласки которым может затронуть его частную жизнь без его согласия.

– В таком случае, если он содержится под стражей, представьте суду аффидевит его показаний...

Руденко стиснул губы и молча наклонил голову в знак согласия. Мысленно он перенесся из зала №600 в другой кабинет, далеко отсюда, но в похожем учреждении...

20 марта 1946 года, Ростов-на-Дону, областное управление НКВД

В кабинет следователя завели арестованного лейтенанта РККА Александра Печерского. Охватившая всю страну, подобно истерии «охоты на ведьм», борьба с власовцами, не пожалела никого, кто на войне был в плену хотя бы час. А Печерский там пробыл едва ли не с самого ее начала и до осени 1943 года, потому его нынешний арест был вполне закономерным явлением, хотя о действительных его причинах он не мог даже догадываться.

– Садитесь, Александр Аронович, – следователь майор Любимов был с ним как-то по-особенному вежлив, что бросалось бы в глаза, если бы не ордена и медали на груди сотрудника правопорядка – как видно, растрогался при виде оклеветанного боевого товарища. – Как себя чувствуете?

– Спасибо, ничего.

– Не били вас?

– Никак нет. Только спал мало... Писал вот по вашему приказу...

– Ну не по приказу, а по просьбе. Просто дело срочное – я чуть позже все объясню... Так что сейчас поспите, когда в камеру вернетесь... Ну, если, конечно, все правильно написали...

– Написал как было. Судите сами.

Печерский протянул ему несколько листков бумаги, исписанных мелким, убористым почерком. Тот стал читать...

Александр Печерский

«...В октябре 1941 года попал я в окружение под Вязьмой, был пленен. В плену я около девяти месяцев болел тифом, но тщательно скрывал это от охраны и только потому не был расстрелян. В мае 1942 года, как только поправился, еще вместе с четырьмя заключенными пытался бежать. Попытка закончилась провалом. Через штрафной лагерь в Борисове меня переслали в трудовой лагерь в Минске. Там выяснилось, что я – еврей по национальности. Просидев пять дней в «еврейском подвале» – подземном карцере, я в октябре 1942 года попал в СС-арbeitsлагерь, располагавшийся на улице Широкой в Минске. В феврале 1943 года 50 заключенных этого лагеря совершили новую попытку побега. Всех их не просто убили, а долго пытали. Сначала беспощадно избивали плетьюми и натравляли на них собак. Затем глумливо провели через весь город с поднятыми вверх руками, потом загнали их в баню и, раздев до гола, обливали попеременно то горячей, то холодной водой. Только после этого фашисты выбросили их во двор на снег и открыли по ним огонь из автоматов.

Что до моей судьбы, то она была предрешена. Как еврея меня летом 1943 года отправили в Собибор на верную смерть. Из Минска до Собибора эшелон с пленными шел четыре дня. Первое, что увидели арестанты, был белый щит с готической надписью «Собибур» и ряды высокого, в три

метра, проволочного ограждения. Меня в числе 80 столяров и плотников – одиночек отделили от остальной массы прибывших и увели в другой двор. Там я почти сразу разговорился со «старым лагерником» (как я уже говорил, начиная с 1942 года сюда сгоняли для уничтожения евреев со всей Европы) Борисом, который объяснил, куда они попали.

«А что это горит там?» – показал я на багровое пламя, видневшееся в стороне от лагеря на расстоянии не более полукилометра. Борис осмотрелся по сторонам, взглянул пытливо на меня, потом ответил тихо: «Не смотрите туда, запрещено. Это горят трупы ваших товарищей по эшелону».²³

Потом я увидел сцену казни. Она потрясла меня до глубины души. Люди шли, выстроившись колонной, окруженные усиленной охраной, вдоль проволочного ограждения. Впереди женщины в одних сорочках и дети, позади – на расстоянии ста метров – голые мужчины. Вот, наконец, ворота, над ними надпись: Лагерь №3... Вообще лагерь делился на три основные части – «подлагерь», у каждого было своё строго определённое назначение. В первом («норд-лагерь») находился рабочий лагерь (мастерские и жилые бараки). Во втором – парикмахерский барак и склады, где хранили и сортировали вещи убитых. В третьем находились газовые камеры, где умерщвляли людей. Для этой цели в пристройке у газовой камеры было установлено несколько старых танковых

---

²³ Печерский А. А. Восстание в Собибуровском лагере. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1945. – 64 с. – 5000 экз.

моторов, при работе которых выделялся угарный газ, подаваемый по трубам в газовую камеру.²⁴

Там, в этом третьем лагере, во дворе – большие каменные здания двух бань с маленькими оконцами, защищенными толстой железной решеткой. Женщины и дети вошли в одну баню, мужчины – в другую. Охрана осталась снаружи и тотчас же заперла за вошедшими тяжелые, обитые железом двери. Некоторые в бане, взяв тазы, подошли к кранам за водой. Но дикий, нечеловеческий крик заставил их оглянуться и оцепенеть. С потолка, через широкие металлические трубы ползли темные, густые клубы газа, нагнетаемые при помощи электромашин... Не прошло и пятнадцати минут, как все было кончено. В двух банях на полу остались груды почерневших трупов...

После этой картины я понял: надо бежать. Ядром заговорщиков стали выжившие узники из минского эшелона, с ними япровел уже восемь месяцев и большинству доверял. Первый акт гражданского неповиновения мы устроили на следующий же день после прибытия, затянув по пути на работу песню «Если завтра война»... Все подхватили припев и грянула песня «Как один человек весь советский народ за свободную родину встает». Песня вливала бодрость, звала к борьбе. В этот день мы работали в «Норд-лагере». Все обошлось сравнительно благополучно, если не считать, что

---

²⁴ Антокольский П., Каверин В. Восстание в Собиборе (глава из «Чёрной книги», Иерусалим, 1980). Впервые опубликовано в журнале «Знамя», N 4, 1945

пятнадцать человек получили «за нерадивость» по двадцать пять плетей каждый...

Непосредственно план побега мы начали обсуждать 27 сентября, когда в лагерь прибыл новый эшелон с узниками. У меня точно сердце оборвалось – в тот же миг я услышал полные мучительной тоски и ужаса вопли детей и женщин, которые сейчас же заглушились неистовым гоготом гусей. (Чтобы заглушать крики умирающих, в немецком концлагере держали 300 гусей, которых заставляли гоготать, когда травили газом людей.)

В качестве штаба мы использовали женский барак. Сюда я приходил под предлогом свидания с еврейкой немецкого происхождения по имени Люка. Отец девушки был коммунистом из Гамбурга. После прихода к власти нацистов семья бежала в Голландию. Там мать Люки, ее саму и братьев арестовало гестапо. Позже братьев убили. Отцу снова удалось бежать. Саму Люку много раз пытали, стараясь выяснить, где находится ее беглый отец. Между нами очень быстро установились самые близкие отношения. Потому я избрал ее своим главным сообщником.²⁵

Мы понимали, что бежать отсюда очень трудно, почти невозможно. Каждый лагерь огорожен колючей проволокой высотой в три метра, затем идет заминированное поле ши-

---

²⁵ Д-р Ицхак Арад, директор мемориального института «Яд ва-Шем». Восстание в Собиборе. Перевёл с иврита В. Кукуй. Журнал «Менора» №26, Иерусалим (1985).

риной в пятнадцать метров, а за ним еще один ряд колючей проволоки. Не забудьте и о глубоком рве. Охрана, примерно, 120—130 человек, в том числе 14 офицеров. Несмотря на это, первый план побега родился уже 7 октября. Он состоял в том, чтобы прорыть подземный лаз под проволочными заграждениями и минными полями длиной около 35 метров и через него выбраться на свободу. Были у него и недостатки. В частности, плохо было то, что потребуется очень много времени, чтобы через подкоп длиной 35 метров проползли один за другим 600 человек. Да и не только проползли, но чтобы и дальше пробрались незаметно. Но другого сценария не было! Тогда же, 7 октября, я попросил изготовить в лагерной кузнице 70 ножей: раздам их ребятам. В случае, если наш заговор будет обнаружен, живыми врагу не дадимся.²⁶

11 октября на нашу сторону перешел один из главных «капо» (близких к администрации лагеря заключенных) – Бжецкий, который перетянул на свою сторону еще одного «капо» по имени Геник. Эти люди обладали нужным заговорщикам правом – они могли почти беспрепятственно перемещаться по территории лагеря, соответственно, поддерживать связь между разными группами узников, готовивших восстание. С их подачи, чего и следовало ожидать, идею с подкопом отринули. Решили готовиться к общему восстанию лагеря.

---

²⁶ Симкин Л. С. Полтора часа возмездия. – М.: Зебра Е, 2013. – 352 с. – ISBN 978-5-905629-27-0.

Бежать надо всем. Уничтожив предварительно всех немецких офицеров поодиночке и быстро, в течение одного часа, чтобы они не успели обнаружить исчезновения своих и поднять тревогу. Уничтожить их надо в мастерских, куда они будут вызваны под разными предлогами. В четыре часа надо перерезать связь, проходящую через второй лагерь в помещение резервной охраны. Также в четыре часа начать уничтожение офицеров в лагере №1. В четыре с половиной часа Бжецкий выставляет всех лагерников в колонну, якобы для работы, и они направляются к главным воротам. В первые ряды колонны становятся люди из СССР. По дороге они должны овладеть оружейным складом, после чего незаметно пристроиться к колонне, а дойдя до ворот, снять часового и напасть на караульное помещение.

Был у этого плана резервный вариант. На случай, если восставшим не удастся захватить достаточное количество оружия и центральные ворота. При таком развитии событий заключенным следовало сломать заграждение у офицерского домика. Домик находится близко к проволочному заграждению. Я думаю, что немцы либо совсем не заминировали проходы к домику, либо использовали только сигнальные мины, не представляющие опасности. Таким образом, в этом месте легко прорваться. Бегущие впереди должны забрасывать дорогу камнями, чтобы подорвать мины.

Восстание началось 14 октября около 14:40 по местному времени. Первым делом топором зарубили в лагерной порт-

няжной мастерской унтерштурмфюрера СС Эрнста Берга, пришедшего примерить свой новый костюм. В 16:00 в сапожной мастерской мои помощники зарубили начальника лагеря №3 (где, собственно, и уничтожали заключенных) Гедтингера. К 16:20 в лагере были ликвидированы четыре офицера и нарушена связь. К 16:35 количество убитых немецких офицеров составляло уже десять человек. В распоряжение восставших попало порядка 11 пистолетов и автомат. Еще шесть винтовок им удалось заготовить заранее при помощи работников слесарных мастерских, ремонтировавших немецкое оружие. Винтовки заблаговременно спрятали в водосточных трубах. В 16:45 «капо» Бжецкий дал свистком заранее оговоренный сигнал к общему построению. Во двор вошел начальник караула – немец из Поволжья – и стал ругаться. Он положил руку на кобуру, но не успел выхватить пистолета, как несколько топоров опустилось на его голову. Женщины заволновались. В этот момент к нам приближалась колонна из второго лагеря. Нельзя было терять ни секунды. Я крикнул: «Товарищи! К воротам!» Все ринулись вперед. Сначала побежали к оружейному складу. Оставшиеся в живых немецкие офицеры попытались преградить дорогу толпе, открыв огонь из автоматов, но поднять общую тревогу они не успели. Некоторые стали перерезать проволоку возле офицерского домика. Остальные кинулись к центральным воротам. Сняв часового, побежали в лес, отстреливаясь на ходу из захваченных у убитых немцев пистоле-

тов и винтовок. Те, у кого не было оружия, засыпали глаза фашистов песком, бросали в них камни. Группа, бежавшая из второго лагеря во главе с Борисом, бросилась влево от центральных ворот. Им пришлось преодолевать заминированное поле, и здесь многие погибли. Я покинул лагерь одним из последних, только тогда, когда убедился, что все уходят из него.²⁷

Сам я во главе группы из восьми беглых заключенных отправился на восток и на четвертый день они сумели пересечь старую советскую границу, перейдя вброд реку Буг. В ночь на 20 октября мы вступили на землю Белоруссии. 22 октября мы встретили недалеко от Бреста партизан из отряда имени Ворошилова. А 23 октября мы уже получили первое боевое задание...»

– Все написано грамотно, верно. Практически не придраться, – рассуждал майор Любимов, не поднимая глаз от только что прочитанного. – Ни дать, ни взять, поступок геройский. Но в своем рассказе вы совершенно не упоминаете о находках, которые были вами сделаны во время побега...

– О каких находках? – поднял вверх недоуменные глаза Печерский.

– Не помните? Странно. Ваши товарищи по побегу очень

---

²⁷ Собибор / Сост. С. С. Виленский, Г. Б. Горбовицкий, Л. А. Терушкин. – М.: Возвращение, 2008. – 264 с. – ISBN 978-5-7157-0165-1.

хорошо помнят. И показания дают. Например, об обнаруженных невдалеке от лагеря, по пути побега так сказать, нескольких десятков советских танков...

– Я не считал нужным об этом писать, так как они были не на ходу. Они никак нам не помогли! – развел руками арестант.

– Верно. Но попытки с вашей стороны их завести ведь были?

– А вы бы как действовали, спасая свою жизнь? – резонно парировал солдат. Следователь с ним согласился.

– Я бы всех своих товарищей запряг и кнутом бы их стегал, лишь бы поскорее оттуда ноги унести, не то, что в танк влезть... – понизив голос и все еще не решаясь поднять глаза на героя, что сидел перед ним не вполне в надлежащем качестве, отвечал Любимов. – Но дело не в этом...

– А в чем?

– В том, какие, а то есть, чьи детали вы обнаружили внутри танков...

– Ну, немецкие, и что?

– Что? Сложный вопрос. Вам, к примеру, известно, что 5 июля 1943 года Гиммлер приказал превратить Собибор в концентрационный лагерь, заключённые которого будут заниматься переоснащением трофейного советского вооружения?²⁸ В связи с этим в той части лагеря, через которую

---

²⁸ «Памяць. Брэст (том II)» / Г. К. Кисялёў (галоўны рэдактар), Р. Р. Рысюк, М. М. Куш і інш. (рэдкал.), А. П. Кондак (укладальнік). – Мн.: «БЕЛТА», 2001. –

вы бежали, началось новое строительство. Бригада, в которую было включено 40 заключённых (наполовину – польские, наполовину – голландские евреи), прозванная «лесной командой», приступила к заготовке древесины, которая требовалась для строительства в лесу, в нескольких километрах от Собибора. В охрану было отряжено семь украинцев и двое эсэсовцев. Строительство еще не было закончено, когда туда начали стягивать советское оружие, включая танки. Потом строители устроили побег, перебив всю охрану, так что идее Гимmlера до конца осуществиться было не суждено. Строительство закрыли. А танки так и остались там стоять. А внутри них находились немецкие детали...

– Никак не пойму, куда вы клоните... – пожимал плечами Печерский. – Может, они там и английские были, только я на это никакого внимания не обратил.

– А зря. Понимаете, что могут значить немецкие детали внутри танков?

– Нет.

– То, что Германия, в нарушение условий Версальского договора, не без помощи СССР тайно производила оружие и его элементы, а, чтобы их легализовать, ввозила в Союз, где на него только клеились отечественные бирки. Потом они частично возвращались в Германию (после начала войны с Польшей, что, как вы понимаете, нас не красит), а частично – продавались, а вырученные деньги пополняли каз-

ну рейха. Понимаете, что будет, если только вы проговоритесь насчет деталей?..

– Но зачем мне это надо?! – улыбнулся Печерский. – Я про них и вспомнил-то не сразу, значит, память отторгла лишнее... Да и кому мне это говорить?

Любимов вздохнул:

– Известно вам что-нибудь о Нюрнбергском процессе?

– Конечно.

– А о том, что вас хотят туда вызвать в качестве свидетеля по делу о зверствах в лагере Собибор?

– Теперь известно...

– Вот. А где гарантия, что там, надышавшись европейским воздухом, вы – человек, столько проведенный в плену и состоявший неизвестно, в каких отношениях с гитлеровцами, – не вспомните вдруг об этих злосчастных деталях?

– Но...

– Нет гарантий. Так? Так. Значит, нельзя вам туда. И единственный способ вас туда не пускать – это тюрьма.

– А про болезнь, например, нельзя написать?

– Нет. Болезнь – явление временное. Трибунал подождет. А тюрьма – надолго. И, по международным законам, в случае нахождения вас под следствием и невозможности, как следствие, этапировать в занятый американцами Нюрнберг под нашим надзором, в качестве ваших показаний может использоваться заверенный следователем протокол. Для чего я и попросил вас все изложить о побеге письменно. И с за-

дачей, как вижу, вы справились, в отличие от своих товарищей, на отлично. Поэтому после окончания процесса – все в тех же гарантийных целях – мы вас отпустим...

– Но... сколько еще..? – резонно развел руками Печерский.

– А вот торопиться вам не следует. Скажите спасибо, что к стенке не приставили. Тут уж или пан, или пропал...

19. Запрещенные приемы

*18 марта 1946 года, номер Даллеса в «Гранд-отеле»,
Нюрнберг*

Утро у Даллеса началось с того, что к нему в гостиницу явился начальник тюрьмы полковник Эндрюс.

– Вы должны нам помочь...

– Что случилось? – с порога спросил разведчик.

– Двое солдат из охраны тюрьмы погибли. Врачи еще не вскрывали тела, но предварительно, по анализам крови, диагностировали тяжелейшее отравление...

Даллес присвистнул.

– Ну и дела! А почему, собственно, вы пришли ко мне, а не к мистеру Джексону, в юрисдикции которого по прокурорской линии находится осуществление расследования уголовных преступлений?

– Я информировал мистера Джексона, он дал команду полиции. Следствие ведется. Но к вам я пришел потому, что гибель не простых граждан, а охранников тюрьмы определенно может быть делом политическим, а потому может касаться вас самым непосредственным образом.

– Логично, – протянул Аллен Уэлш, указывая посетителю на стул. – Вы уже давали показания полицейскому следователю?

– Да.

– И что он у вас спрашивал?

– Спрашивал, что эти двое ели накануне.

– И что вы ему ответили?

Эндрюс развел руками.

– Да ничего они толком не ели. Был день, даже обеденный перерыв еще не наступил. Правда, надо отметить, что оба явились утром в весьма потрепанном состоянии – ровно год назад вместе были участниками какого-то сражения, отмечали накануне победу, ну и немного выпили лишнего. И потом весь день до обеда хлебали воду, как верблюды. Потом, к обеду, стали зеленеть. Я распорядился сменить караул, а их отправил в лазарет, где они и умерли.

– А врач лазарета? Что он им давал? Какие лекарства?

– Да ничего, говорит, не успел дать. Оба пришли и почти сразу повалились без чувств. Он стал щупать пульс, да куда уж там было...

– Хотите сказать, что они умерли от отравления? – еще более удивился Даллес. – Но кому надо было травить простых солдат?..

Разведчик задумался. В его распоряжении были предоставленные Шейниным сведения о том, что среди солдат военной полиции, охранявших тюрьму и сам Дворец, были русские шпионы – канадцы, эмигрировавшие некогда с Украины, но охотно восстановившие теперь связь со своей исторической Родиной, а вернее, с ее разведкой. Знал он о том, что

они часто применяли к Герингу физическую силу, а Лея так и вовсе до петли довели. Но зачем им травить своих коллег из числа простых охранников тюрьмы, пусть даже и не имевших отношение к их грязным делишкам – этого он искренне не понимал.

– А они, часом, не из Канады? Не из бывших украинских эмигрантов? – спросил он на всякий случай.

– Нет, Робертс и Стайн, они оба с Айовы...

– И конфликтов ни с кем не было?

– Абсолютно.

– Значит, остается одно... – методом простого исключения рассудил Даллес.

– Что?

– Что целились не в них. Говорите, случилось все в обед?

– Так точно.

– Когда подсудимые были в процессе?

– Так точно.

– И пили они воду из-под крана?

– Вроде да... – Эндрюс был шокирован открытием, которое само просилось на язык, но озвучить его не решался – очень уж пугающим было оно для него самого. – Хотите сказать, что им всем просто повезло, а Робертсу и Стайну – нет?

Даллес ничего не успел ответить, только пожал плечами, когда в дверь снова постучали. Он открыл – на пороге стоял помощник Эндрюса, лейтенант Мак-Кинли.

– Простите, сэр. Я к полковнику Эндрюсу... Разрешите

обратиться, сэр?

– Слушаю.

– По вашему приказу химики обследовали кружки Робертса и Стайна и краны в здании тюрьмы – на них обнаружены сверхмалые дозы летучего вещества непонятного происхождения, в составе которого обнаружен мышьяк. Предварительно говорят, что это мог быть яд, но мгновенного действия. Следы свои он оставляет и через час, но уже не срабатывает. Срабатывает же в первые несколько минут после попадания в организм и при непосредственном контакте с ним...

Хозяин и гость переглянулись.

– Хотели отравить подсудимых?

– Выходит, что так, – опустил глаза Эндрюс. – Потому я и пришел к вам, что подозрение в первую очередь падет теперь на меня. А зачем мне бы это понадобилось?

– Вам – нет, но вы – американский солдат, – развел руками Даллес. – Если это станет достоянием гласности, все, по умолчанию, будут считать, что американцы решили сорвать процесс и уничтожить обвиняемых. И докажите потом, что никто из вашего начальства, включая Джексона и Трумэна, не был в этом заинтересован.

«И Советы решают все свои проблемы одним махом... – добавил он к своему спичу, уже мысленно. – И обвинения в попытках срыва процесса, и смерть Зори, и нежелательные разговоры о тесной дружбе с Гитлером после начала вой-

ны в Европе, и тень от раздела Польши – все стирается как по мановению волшебной палочки».

– Теперь вы меня понимаете...

– Однако, любопытно, – продолжил Даллес. – Почему больше никто не отравился?

– Наверное потому, – предположил Эндрюс, – что воду из-под крана кроме солдат никто не пьет. Более-менее статусная обслуга, судьи и прокуроры пьют нашу «колу» и вермахтовскую «фанту», запасы которой тут почти неиссякаемы. Да и, как я уже сказал, все были в процессе – не до питья им. А тут... Ума не приложу, что теперь делать?!

– Доказывать ваше алиби. На водоканал!

– Покажите план-схему сооружений холодного водоснабжения города, – махнув перед лицом обалдевшего начальника водоканала Крюгера удостоверением, потребовал Даллес. Тот безропотно выполнил его требование, искренне недоумевая о причинах визита в его скромную контору столь высоких гостей.

Однако, спросить что-либо на первых порах не решался. Молча наблюдал, как Эндрюс и Даллес изучали непонятную карту. Дождался, пока заговорили с ним первые.

– Покажите здесь контур, который ведет к зданию Дворца правосудия...

– Вот... А что, что-нибудь случилось?

– Как давно на нем были поломки или аварии, требующие

человеческого вмешательства?

– Вчера... днем... часов в 12...

Посетители переглянулись. Все сходилось с их худшими подозрениями.

– Кто туда выезжал?

– Сантехник...

– Фамилия?

– Вейцман.

– Давно он у вас работает?

– Год. С прошлой весны. Когда пришли американцы, с тех пор и работает... Он с ними пришел. Бывший узник концлагеря. Семья погибла, а лагерь освободили союзники, ему идти некуда стало, вот он к ним и прибился, – Крюгер все еще не понимал цели визита гостей из-за океана, и потому принялся тараторить что было сил, стараясь оправдаться, непонятно от чего. – Кадров не хватало. Все на фронт ушли. Работал тут я, я инвалид, да мой напарник, Лемке. Да он пьян все время, какой ему поручить серьезную работу? Вот мы его и приняли. А вчера авария, трубу прорвало... Позвонили... Я же знаю, что там, во Дворце, сейчас всех этих негодяев судят. А Хаим – он серьезный человек, специалист хороший. Вот я его и отправил.

– Где он сейчас?

– На объекте...

– Когда вернется? – Даллес забрасывал несчастного вопросами, не давая ему опомниться и не давая никаких пояс-

нений.

– Через час, может, раньше... А что?

– Видите ли, – наконец заговорил разведчик, – вчера в тюрьме Дворца правосудия, отравившись водой из-под крана, скончались два охранника. Ничего, кроме воды, они не употребляли. Мы решили проверить... и вот...

– Думаете, Хаим отравил водопровод целого города? Да вы что?!

– Мы пока ничего не думаем. Где переодеваются у вас слушающие?

– Их шкафчики там... – Крюгер показал рукой в сторону своеобразного предбанника перед входом в водонапорную башню.

– Эндриус! – скомандовал Даллес. – Пошлите кого-нибудь обыскать. Господин Крюгер, помогите солдатам...

Пока те ходили, полковник и разведчик снова разговорились.

– Нет ничего проще, чем подбросить в контур яд именно во время починки, – рассуждал Даллес. – А кто еще имеет туда доступ? Никто, решительно. Так что все подозрения падают на него! И главное – мотив. Кто, кроме узника концлагеря, решил бы вдруг таким изощренным способом отомстить садистам, процесс над которыми с каждым днем все больше заходит в тупик?!

– Думаете, он сам?!

– Сильно сомневаюсь...

– Но почему поломка? – недоуменно развел руками Эндрюс.

– А какой еще повод отправить туда сантехника, у которого по счастливой случайности оказался пузырек яда? Или вы думаете, он туда сам попал, по воздуху?

– Нет, я о другом. Кто мог ее организовать? Все коллекторы и колодцы как объекты инфраструктуры охраняются нашими солдатами днем и ночью!

– Поверьте, – натянуто улыбнулся Аллен Уэлш, – что даже в рядах военной полиции имеются шпионы.

– Это те украинцы?.. Я догадывался...

Вещей у Вейцмана было немного – обыск закончился буквально в считанные минуты. Мак-Кинли вошел в кабинет Крюгера и, не говоря ни слова, прошествовал к столу, за которым стояли и разговаривали у схемы очистных сооружений Даллес и Эндрюс. Поравнявшись с ними, он вытянул вперед руку со сжатым кулаком. Разжав, продемонстрировал находку – это был маленький пузырек с надписью по-русски «Опасность. Внутри не употреблять».

Даллес начал учить русский со дня начала судебного разбирательства и понял значение маркировки.

– Но почему он бросил ее здесь? – развел руками Эндрюс.

– А где? На месте преступления? Там еще легче обнаружить. Понятно ведь, что сначала следствие ринется к колодцу... – рассуждал вслух замглавы УСС. – Но теперь важно не спугнуть. Никаких перехватов и общегородских тревог.

Оставайтесь здесь и ждите его возвращения. Как только вернется, арестуйте и препроводите в камеру. Потом ждите моих дальнейших указаний.

– Мистеру Джексону доложить?

Даллес задумался.

– Вообще-то не надо было бы... Но закон есть закон – все-таки это его юрисдикция. Однако, не раньше, чем арестуете его!

Вернувшись к себе, он быстро набрал номер канцелярии Донована и велел в срочном порядке отыскать среди архивов Эйзенхауэра какие-нибудь сведения об освобожденном его людьми весной 1945 года из концлагеря Хаиме Вейцмане.

Вскоре сведения появились. Уже вечером следующего дня ему позвонил сам Билл Донован и рассказал, что в концлагере Вейцман познакомился с Аббой Ковнером, вместе с которым они создали нечто вроде подпольной организации, главной целью которой была месть всем немцам за Холокост. И сейчас они явно вступили в контакт со сталинской разведкой, которая, реализуя свои цели (заткнуть рот подсудимым), помогала им в достижении их собственных.

– Вы уверены в этом? – уточнил Даллес.

– А ты нет?

– А доказательства?

– Есть. Сегодня нашими дешифровщиками из проекта «Венона» была перехвачена радиограмма кого-то из пред-

ставителей местной резидентуры в Москву.

В 1943 году Федеральное агентство по связи США конфисковало незаконные радиопередатчики в советских консульствах, и в спецслужбы США стали поступать в большом количестве зашифрованные телеграфные сообщения между консульствами и Москвой. В том же году 1 февраля в Арлингтон-Холле был начат проект по расшифровке советских сообщений под кодовым названием «Венона».²⁹ За три года работы они вскрыли не один десяток советских «пианистов», и продолжали успешную работу по сей день, дешифруя самые сложные комбинации противника...

– Вот, что там сказано по поводу этого события... – продолжал Донован. – «Заряд цели не достиг (погибли два солдата из охраны), но эффект устрашения имеется. При проведении операции, если таковая потребуется, следует использовать яд более длительного действия, пусть и не такой ударной силы. В целом пробная акция прошла сравнительно успешно, так как мы всем показали свою решимость довести дело правосудия до конца...»

– Это была только акция устрашения?! – негодовал Даллес.

– Да. Но мы должны прижать хвост, Аллен. Террориста отпустить.

---

²⁹ Herbert Romerstein, Eric Breindel. Тайны Веноны. Раскрытие советского шпионажа и предателей Америки. = The Venona Secrets, Exposing Soviet Espionage and America's Traitors. – 1 edition. – Washington, DC: Regnery Publishing, Inc, 2001. – 608 p. – ISBN 0-89526-225-8.

– Почему?!

– Потому что в следующей шифровке они пишут про то, что тебя надо срочно вывести из игры. Для этого они планируют – если ты не остановишься – массовый вброс в союзническую печать в Германии информации об операции «Санрайз» и о твоих отношениях с генералом СС Вольфом...

– И вы хотите сказать, что мы должны остановиться?! Когда они прямо обсуждают подготовку следующей операции, уже с учетом сделанных ошибок?!

– Ты не умеешь читать между строк, Аллен, – спокойно отвечал Донован. – Они пугают нас, но сами боятся. Нам надо сделать вид, что мы не собираемся афишировать Катынский расстрел и конкретные обстоятельства сговора Гитлера и Сталина. Что мы забыли про убийство этого несчастного русского обвинителя. Что ничего не знаем и не собираемся узнавать про «Четвертый рейх». И тем более – что не собираемся сажать в тюрьму их агентов... Тогда...

– ...тогда они перебьют всех подсудимых! И какой смысл в процессе?

– Нет. Тогда они успокоятся. Расслабятся. Потеряют бдительность. Предоставят нам позицию для основательного удара, который отобьет все их позиции. Сейчас они очень разгневаны и могут наделать глупостей. А надо их расслабить. И, проиграв битву, выиграть войну.

Слова Билла звучали убедительно. Но Даллес все же не унимался.

– Думаєте, компромат в их руках серъезный?

– А ты как думаешь? Твои отношения с генералом СС Вольфом могут быть поняты очень и очень превратно... Так что я бы на твоём месте отпустил этого Вейцмана и как можно скорее...

Даллес положил трубку и задумался. Он думал о генерале Вольфе...

Информация к размышлению (Карл Вольф). «Без Вольфа Гиммлер редко решался что-либо предпринять, все предварительно обсуждалось с ним», – так говорил руководитель РСХА Рейнхард Гейдрих о своём шефе и главном адъютанте, обергруппенфюрере СС Карле Вольфе. К этому следует добавить, что ранг обергруппенфюрера соответствовал званию генерала (рода войск) или генералу войск СС и до 1942 года был высшим в системе СС. Выше было только «звание» (а вернее, титул) рейхсфюрера СС и шефа германской полиции (соответствовало генерал-фельдмаршалу), которое было только у Генриха Гиммлера. Звание оберстгруппенфюрер СС (генерал-полковник) было введено 7 апреля 1942 года (по состоянию на 20 апреля 1945 года Карл Вольф был всего лишь одним из четырёх оберстгруппенфюреров СС и генерал-полковников войск СС). Вообще статус Карла Вольфа был специфичным. В течение многих лет он не был ни командующим войсками, ни полицейским начальником или администратором. Фактически он исполнял обя-

занности дипломатического и политического советника при рейхсфюрере СС.

Он сравнительно легко поднимался по служебной лестнице благодаря, как считали многие, способности оказывать влияние на людей и ладить с ними. Аллен Даллес считал его человеком, который был «способен сдерживать свои чувства и поэтому обрел в нацистской созвездии темпераментных и бурных личностей особое место, нечто вроде министра без портфеля».³⁰

Карл Вольф родился 13 мая 1900 года в Дармштадте в семье земельного советника. В апреле 1917 года добровольцем вступил в армию – в звании лейтенанта служил при штабе 115-го лейб-гвардии полка великого герцога Гессенского. За боевые заслуги награжден Железным крестом II и I класса. После окончания Первой мировой войны стал адъютантом генерала Ф. фон Эппа, командовавшего в 1919 году отрядом контрреволюционных офицеров, и участвовал в расстрелах рабочих, создавших Баварскую Советскую Республику. Демобилизовался 31 мая 1920 года в звании лейтенанта. Получил торговое образование, долго работал в коммерческих фирмах, банках, создал собственное адвокатское бюро.³¹

---

³⁰ Даллес, Аллен. Тайная капитуляция. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004

³¹ Дегтярев К. Штирлиц без грима: 17 мгновений вранья. – М., Яуза, 2006 г., ISBN: 5-699-14656-3

Карл Вольф

В 1931 году вступил в НСДАП и СС, а в марте 1933 года был назначен адъютантом имперского наместника Баварии фон Эппа. 25 июня 1933 года прикомандирован к штабу

рейхсфюрера СС, 1 сентября 1933 года стал его адъютантом. Карл Вольф играл важную роль в финансировании СС, т. к. был связан с деловыми кругами. Он содействовал созданию «Кружка друзей рейхсфюрера СС», в который входили руководители множества фирм, регулярно отчислявших деньги на счет СС в Дрезденском банке, к которому имел доступ Карл Вольф. Его образованность, дипломатический талант и связи с самыми различными кругами сделали его незаменимым человеком для Генриха Гиммлера, который назначил его 9 ноября 1936 года руководителем Личного штаба рейхсфюрера СС.

Кроме того, как ни парадоксально, он принимал активное участие в разработке символики и идеологии СС. Входил в узкий круг доверенных лиц Генриха Гиммлера, где был известен под прозвищем «Woelffchen» («Волчонок»).

С 1940 года был офицером связи между Адольфом Гитлером и Генрихом Гиммлером, сопровождал последнего в его фронтовых поездках. Другие руководители СС часто обращались к нему за помощью и поддержкой, пользуясь тем, что фюрер явно благоволил молодому, воспитанному и образованному Вольфу.³² До такой степени, что Вольф даже позволял себе иногда обращаться к фюреру через голову Гиммлера. Один из таких случаев вызвал размолвку между Вольфом и Гиммлером в 1943 году, когда Гитлер разрешил Вольфу

---

³² Залесский К. А. СС. Охранные отряды НСДАП. – М.: Эксмо, 2005. – 672 с. – 5000 экз. – ISBN 5-699-09780-5.

развестись, вопреки запрету Гиммлера. Именно после этого Вольф, до того начальник личного штаба рейхсфюрера, и получил назначение в Италию.

23 сентября 1943 года Карл Вольф был назначен верховным руководителем СС и полиции Италии. Тогда же Даллеса назначили руководителем резидентуры УСС в Берне. Но познакомились они позже...

К концу зимы 1945 года единственным гитлеровским анклавом в Европе, за который с рейхом вели бои союзники, оставалась Северная Италия, где объединенной группировкой войск вермахта командовал фельдмаршал А. Кессельринг. Понимая, что конец войны близок, высшие силы рейха, морально смирившись с поражением, решили искать контактов с союзниками в надежде на капитуляцию перед ними в Италии как на залог индульгенции их «грехов прошлого». Даллес, возглавлявший резидентуру УСС в приграничной, хоть и сохраняющей нейтралитет, Швейцарии, стал получать предложения из Берлина касаясь этой самой индульгенции взамен на капитуляцию в Италии. Почти все он отвергал, включая предложения заместителя Кальтенбруннера Вальтера Шелленберга, который ему почему-то не понравился... А Вольф понравился. Во многом по причине того, что контакт с ним исходил от нейтральных швейцарских властей. Зачем им это?

Швейцария была заинтересована в скорейшем завершении войны у своих итальянских границ, и желательно без

разрушения инфраструктуры Северной Италии, с которой была тесно связана экономически. Кроме того, швейцарские власти опасались, что недобитые эсэсовцы, спасаясь от наступления союзников в Италии, станут искать убежища в Швейцарии. В силу своего нейтралитета Швейцария не могла оказывать официальную помощь воюющим сторонам. Тем не менее неофициально миссия Даллеса тесно сотрудничала со швейцарскими спецслужбами.³³ Именно при их посредничестве состоялась встреча Вольфа и Даллеса все на ту же тему – капитуляция в Италии взамен на индульгенцию руководства Вольфа в Берлине и его самого.

В 10 часов вечера 8 марта 1945 года Даллес и Вольф впервые встретились на конспиративной квартире УСС в Цюрихе. Вольф сразу же заявил, что считает военное поражение Германии неизбежным, готов предоставить в распоряжение американцев все подчиненные ему силы СС, оказать влияние на Кессельринга, как командующего войсками вермахта, и обеспечить приезд Кессельринга или его заместителя в Швейцарию. Вольф особо подчеркнул, что действует совершенно независимо от Гиммлера и Гитлера и втайне от них. Даллес, в свою очередь, заявил, что речь может идти только о полной капитуляции всей немецкой группировки и что эти переговоры никоим образом не означают нарушения обязательств союзников перед СССР как членом

---

³³ Waibel Max. 1945 – Kapitulation in Norditalien: Originalbericht des Vermittlers. – Basel, Frankfurt am Main: Helbing&Lichtenhahn, 1981.

антигитлеровской коалиции. Он очень опасался, что миссия Вольфа может оказаться провокацией с целью поссорить Сталина с англо-американцами. При этом перспективу без боя овладеть Северной Италией Даллес считал чрезвычайно важной не только в военном отношении. Такая быстрая победа позволила бы американцам опередить Красную Армию на юго-востоке Европы и таким образом расширить здесь зону своего послевоенного влияния.³⁴

После встречи с Даллесом Вольф оставил ему краткий план своих действий в обеспечение будущей капитуляции, включая секретные сведения о дислокации войск вермахта в Северной Италии (в последующем именно они помогут союзникам развернуть там успешную наступательную операцию!) и 9 марта вернулся в Италию. Здесь он получил вызов от начальника РСХА Кальтенбруннера – тому явно не понравилось, что Вольф ездил в Швейцарию без его ведома. Вольф уклонился от встречи, сославшись на неотложные дела. Чтобы иметь оправдание перед Гиммлером и Кальтенбруннером по поводу контактов с противником, Вольф задним числом придумал легенду: он собирался похлопотать перед американцами об освобождении из плена оберштурмбаннфюрера Вюнше, любимца Гитлера. Вольфа ждала и другая новость: Кессельринг 8 марта выехал в Берлин в став-

---

³⁴ Dulles, Allen; Petersen, Neal H. *From Hitler's Doorstep: The Wartime Intelligence Reports of Allen Dulles, 1942—1945*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1999. ISBN 0-271-01485-7. P. 465, Document 5—53

ку Гитлера по срочному вызову. Но зачем? Об этом Вольф узнает позже.

Даллес после бессонной ночи вернулся утром 9 марта в бернский офис УСС и составили доклад в штаб союзного командования в Казерте. Он предложил подготовить нескольких офицеров достаточно высокого уровня к переговорам с Кессельрингом. В этот же день появилось название операции – «Восход солнца» («Санрайз»), символизирующее надежду на крупный успех.³⁵

Во исполнение плана операции, в Швейцарию инкогнито прибыли представители союзнического командования – заместитель начальника штаба войск союзников в Казерте американский генерал Лаймен Лемнитцер и начальник разведки при штабе Александра генерал Теренс Эйри. К переговорам, запланированным на территории швейцарской Асконы, все было готово. Между тем, как выяснилось, Кессельринг получил новое назначение и уехал из Италии на Западный фронт, сменить фон Рундштедта на посту командующего. За этим Кессельринга и вызывали в Берлин! Место Кессельринга занял генерал-полковник Фитингхоф, за которого Вольф не мог ручаться в той же степени, как за Кессельринга, хотя и был с ним в хороших отношениях. Фитингхоф был аполитичным генералом старой прусской закалки, безогово-

---

³⁵ Salter, Michael. Nazi War Crimes, US Intelligence and Selective Prosecution at Nuremberg: Controversies Regarding the Role of the Office of Strategic Services. Routledge, 2007, ISBN 1-904385-81-8, 9781904385813. P. 179

рочно преданным долгу и присяге. Вольф никогда не посвящал его в свои намерения и вообще не заговаривал с ним о капитуляции...

Утром 19 марта Вольф прибыл в Аскону. Встреча проходила в три этапа. В первой половине дня 19 марта с Вольфом беседовал Даллес. После обеда к ним присоединились Лемнитцер и Эйри. Даллес представил генералов Вольфу, как своих военных советников, не называя имён и чинов. На встрече рассматривались возможные варианты действий в создавшейся обстановке: Вольф либо прямо обращается к Фитингхофу и пытается убедить его капитулировать, либо действует через Кессельринга, либо рассчитывает только на свои силы. Последний вариант был явно самым слабым. Вольфу в Италии непосредственно подчинялись около 50 тыс. человек, из них – только около 10 тыс. боевого состава почти без тяжелого вооружения. Эти войска занимали некоторые важные позиции, но были рассредоточены, к тому же состояли большей частью из национальных частей СС. Остановились на втором варианте. Вольф просил отложить на несколько дней планируемое наступление союзников в Италии, чтобы успеть съездить к Кессельрингу и поговорить с ним. Дело осложнялось тем, что Кессельринг из Берлина убыл сразу к месту нового назначения, даже не заехав в Италию попрощаться с Муссолини и со своим штабом. В течение пяти-семи дней Вольф обещал добиться, чтобы Кессельринг повлиял на Фитингхофа. Вольф обязал-

ся в пределах своих полномочий ограничить антипартизанские и карательные мероприятия в Северной Италии, постараться не допустить реализации тактики выжженной земли и сохранить жизнь политзаключенным.³⁶

Надежда на капитуляцию и сохранение инфраструктуры Италии, на прекращение войны и снижение числа человеческих жертв, пусть и слабая, еще была, но в дело вмешались советские шпионы в Овальном кабинете. Это был Гарри Декстер Уайт. Будучи приближенным к Рузвельту лицом, он узнал о переговорах и сообщил о них Сталину. Коба пришел в ярость, как теперь представлялось Даллесу, от того, что, вступив в столь тесный контакт с союзниками, высшие силы рейха могли передать им сведения о взаимодействии двух стран в период 1939—1941 годов. Это бы привело если не к третьей мировой, то, во всяком случае, к разладу среди союзников и крушению его геополитических планов в отношении Восточной Европы, захваченной Гитлером, на которую он, на правах освободителя, уже имел виды как на колонию.

22 марта британскому послу в СССР была передана резкая нота по поводу сепаратных переговоров с Германией. Последовала оживленная переписка на уровне дипломатических ведомств и непосредственно между Сталиным

---

³⁶ Безыменский Л. А. Германские генералы – с Гитлером и без него. – М.: Мысль, 1964, с. 284

и Рузвельтом.³⁷ Сталин прямо обвинил союзников в сговоре с противником за спиной СССР. Рузвельт отвечал в том смысле, что ничего особенного не произошло, речь шла только о чисто военном вопросе – капитуляции немецкой группировки в Италии, а Сталин дезинформирован своими дипломатами и разведкой. Сталин его не слышал и только обвинял, обвинял, обвинял. В итоге 11 апреля Рузвельт написал короткое послание Сталину: «Благодарю Вас за Ваше искреннее пояснение советской точки зрения в отношении бернского инцидента, который, как сейчас представляется, поблек и отошел в прошлое, не принеся какой-либо пользы. Во всяком случае не должно быть взаимного недоверия, и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать в будущем. Я уверен, что, когда наши армии установят контакт в Германии и объединятся в полностью координированном наступлении, нацистские армии распадутся». Сталин получил послание 13 апреля, уже после скоростной смерти Рузвельта.³⁸

Гитлер же, вызвав Вольфа к себе, тоже пришел в ярость и дезавуировал его полномочия. Коль скоро переговоры шли

---

³⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В 2 т. Изд. 2-е. Т. 2. Переписка с Ф Рузвельтом и Г. Трумэном. (Авг. 1941 г. – дек. 1945 г.). – М.: Политиздат, 1976. С. 211—214, 218—224, 228—229

³⁸ Олыштынский Л. Коварные мгновения победной весны. // Советская Россия, №40—41 (12664), 26 марта 2005

за сего спиной, он понял, что ценой индальгенции заговорщики сделают его жизнь. Ни о каком сепаратном мире с союзниками при его жизни не могло идти и речи – за военные годы он скомпрометировал себя настолько, что, по сути, стал политическим трупом. Смириться с этим он не смог. Не смог смириться и Сталин. Советские войска начали Берлинскую наступательную операцию. Операция «Санрайз» провалилась. Война продолжилась, неся все новые жертвы и потери уставшей от нее за 7 лет Европе.

Даллес понимал, что Donovan прав. Эти, на первый взгляд, незначительные переговоры год назад ни к чему не привели и только камнем преткновения стали в отношениях союзников. Сейчас этот камень мог произвести новый оборот вокруг своей оси – Даллеса, как и всю американскую сторону, могли обвинить в «ведении сепаратных переговоров», сделать персоной нон-грата и ограничить участие в процессе. Это было чревато скандалом и утратой какого бы то ни было контроля над деятельностью Трибунала. Если выбирать из двух зол меньшее и следовать шахматному правилу гамбита, Вейцмана, конечно, следовало отпустить. Даллес поднял трубку и набрал номер полковника Эндрюса...

20 марта 1946 года, Нюрнберг, Дворец правосудия

Следующий день Даллес, пришибленный таким указани-

ем шефа, просидел в зале №600, где продолжался процесс над теми, кого, как выяснилось, союзники должны были не только судить, но и стеречь, как зеницу ока. Он смотрел на невозмутимое лицо Руденко, продолжавшего процессуальные действия.

– В связи с такими показаниями обвиняемого Кальтенбруннера, которые, – Руденко демонстративно откашлялся в кулак, – ставят под сомнение позицию обвинения о причастности высших должностных лиц рейха к геноциду мирного населения, а также словами обвиняемого Кейтеля о непричастности к нему войск вермахта, обвинение просит, не прерывая допроса подсудимых, допросить в качестве свидетеля бывшего командующего Объединенными войсками полиции и СС в Польше, России и Белоруссии, гауляйтера Белоруссии Эриха фон дем Бах-Зелевского.

Суд, посоветовавшись, удовлетворил ходатайство. Минуту спустя в зал вошел педантичного вида человек в очках с видом школьного учителя – без формы он никак не напоминал палача СС, ответственного за убийство каждого четвертого белоруса.

– Скажите, – начал допрос Руденко, – вы командовали войсками СС и полиции на оккупированной территории СССР с лета 1941 года по ноябрь 1944 года?

– Да.

– Вам известно о количестве убитых партизан и вообще мирного населения в ту пору на территории, входящей в ва-

шу юрисдикцию?

– В общих чертах.

– И что вы можете сказать относительно этого?

– Только цифры. Они свидетельствуют о том, что численность войск полиции и СС на той территории была примерно в 5 раз ниже численности войск вермахта, которые в тот же период базировались во вверенном мне оперативном районе.

– О чем это свидетельствует?

– О том, что к убийствам мирного населения они причастны не меньше, а то и больше возглавляемых мной сил СС.

Правом на вопрос пожелал воспользоваться адвокат Кальтенбруннера. Суд удовлетворил его ходатайство.

– Скажите, подсудимый Кальтенбруннер когда-либо выдавал вам какие-либо указания о ведении партизанской войны или уничтожении мирного населения, в том числе Белоруссии, в том числе в концлагерях?

– Я не подчинялся Кальтенбруннеру.

– А кому вы подчинялись? От кого исходило общее руководство вашей текущей деятельностью?

– От Гиммлера.

– И перед ним же вы отчитывались? Ему докладывали оперативную обстановку? Его указания выполняли?

– Да.

– Знаете ли вы, что донесения, которые вы посылали Гиммлери относительно мероприятий, проводимых вами, Гиммлер передавал непосредственно фюреру? – спро-

сил адвокат Кальтенбруннера, определенно намекая если не на полную невиновность своего подзащитного, то на причастность к его преступлениям и иных лиц, в том числе покойников. Свидетель как будто не понял его и начал неистово рапортовать.

– Разрешите мне ответить на этот вопрос более подробно, – чеканил он. – Сначала я имел постоянный штаб у Гимmlера. Мой начальник штаба постоянно находился в штабе, в то время, когда я находился на фронте. Между военными инстанциями, то есть ОКВ, ОКХ и моим штабом существовал постоянный контакт. Ведь дело обстояло не так, что донесения о действиях партизан сначала поступали ко мне, поскольку существовали такие ведомственные каналы, которые проходили через ОКХ. Это значит, что от этих военных инстанций я получал столько же донесений, сколько и сам посылал им. То, что эти донесения затем обобщались в моем штабе, является фактом. Затем каждый день эти донесения передавались Гимmlеру, а тот передавал их дальше.

– Кому передавал? – гнул свою линию адвокат.

Свидетель кивнул на скамью подсудимых:

– Господа из ОКВ, будучи уже в плену, подтверждали мне, что об этих донесениях докладывали во время обсуждения военной обстановки.

Не выдержав этого «пригвождения к позорному столбу», Геринг подскочил с места и завопил:

– Это грязная вероломная свинья! Он ведь самый крова-

вый убийца, продающий свою душу, чтобы спасти свою воющую шею.

Лоренс снова осадил его, как и день назад, во время допроса Кальтенбруннера. Допрос продолжал Руденко. Он спросил у Бах-Зелевского:

– Известно ли вам, что Гитлер и Гиммлер особенно хвалили вас за жестокость мероприятий, которые вы проводили в отношении партизан и за которые вас и наградили?

Тот категорично ответил:

– Это неправда. Никаких наград за борьбу с партизанами, безусловно, входившую в мои полномочия гауляйтера, я не получал. Все мои награды, начиная от пряжки к железному кресту, я получил за действия на фронте от военного командования.

– И, соответственно, получается, что особенных заслуг у вас в этой сфере не было?

– Скажем так, – подумав, протянул Бах-Зелевски. – Я считаю, что, если бы вместо меня кто-нибудь другой занимал этот пост, было бы еще больше горя. Все-таки я не сосредоточивался только на борьбе с партизанами, уделяя больше места в работе гауляйтера вопросам обеспечения инфраструктуры и создания у населения видимости заботы о них со стороны рейха. При этом многие мои коллеги, включая того же Коха на Украине или Тербовена в Норвегии куда больше места в работе уделяли именно борьбе с подпольщиками и участниками Сопrotивления, за что поощрялись

наградами вполне официально, а не на словах Гитлера или Гиммлера.

– С чем это, по-вашему, может быть связано?

– С тем, что начальство всех мастей – начиная от ОКВ и заканчивая высшим эшелоном СС – везде и всюду, постоянно требовало больше и больше крови и невинных жертв. Такова была идеология, следование которой если официально и не входило в должностные инструкции, то было залогом успешного продвижения по службе и получения новых и новых наград. В своих речах и выступлениях они требовали этого постоянно. Да, быть может, в отличие от Гитлера и Геббельса, не писали об этом книг и статей – но только потому, что толком писать и не умели. Речь же и поступки этих людей говорят сами за себя и свидетельствуют об их постоянном и обязательном требовании уничтожать мирных людей только потому, что они – представители иной, не арийской расы. Невыполнение этого требования было чревато негативными последствиями...

– А вы, что, были против такой идеологии? – уточнил Руденко.

– Скажем так, я не всегда был ее проводником. Так, в августе 1941 года Гиммлер приехал ко мне в Минск и попросил организовать для него массовый расстрел партизан. Я был против мероприятий подобного рода, и тогда Гиммлер обратился с этой же просьбой к приехавшему вместе с ним

начальнику полиции рейха Артуру Небе.³⁹ Он быстро собрал зондер-команду и организовал публичную казнь. Когда мы с ним наблюдали за ее осуществлением, он спросил у меня о причинах моего отказа. Я ответил ему, что, на мой взгляд, акции подобного рода делают из наших солдат абсолютных варваров и невротиков. Гиммлер задумался, взгляделся в эту картину и, вникнув в правоту моих слов, расчувствовался до такой степени, что ему стало плохо.⁴⁰ Однако, сути проводимой им и его товарищами из Берлина политики это не изменило.

Руденко прервал его рассказ:

– Обращаю внимание суда на то обстоятельство, что материалами следствия собраны данные, подтверждающие эту историю, это факт!

Допрашивая очевидно выгодного свидетеля, Руденко, к удивлению наблюдавшего за процессом Даллеса, выступал не как обвинитель, но как адвокат. В таком его поведении, как считал разведчик, явно крылось что-то неладное...

Прокурор меж тем продолжал:

– Принимая во внимание, что ваше поведение шло несколько вразрез с требованиями идеологии и ее проводников – главарей рейха, – многие из которых сейчас на скамье

---

³⁹ Ronald Rathert. Verbrechen und Verschwörung: Arthur Nebe: Der Kripochef des Dritten Reiches. – Münster: Lit Verlag, 2001. – ISBN 3-8258-5353-5.

⁴⁰ Джонсон П. Популярная история евреев = A History of the Jews / пер. с англ. Зотов И. Л.. – М.: «Вече», 2001. – 672 с. – 7000 экз. – ISBN 5783806684.

подсудимых, скажите, не повлекло ли это для вас каких-либо неприятностей по службе?

Свидетель замялся.

– Нельзя сказать, чтобы это были неприятности в классическом смысле. Но до войны я был депутатом рейхстага, а меня оттуда сняли и кинули после сравнительно тихого и сытого Бреслау в Минск – якобы для борьбы с партизанами, хотя я не полицейский, а кадровый военный.⁴¹ Сами решите, можно ли это классифицировать как неприятность...

Руденко понимающе покачал головой.

– Вернемся все же к идеологии главарей рейха. Только ли Гиммлер... вернее, считаете ли Вы, что речь Гиммлера, в которой он потребовал уничтожения 30 миллионов славян, отражала его личное мировоззрение, или это мировоззрение, по Вашему мнению, являлось вообще национал-социалистским?

Бах-Зелевски как по писанному протараторил:

– Сегодня я считаю, что это явилось логическим следствием всего нашего национал-социалистского мировоззрения.

– Сегодня? – уточнил глава советской делегации обвинителей.

– Сегодня, – кивнул его собеседник.

– А какое мнение у Вас было в то время? – в вопросах такого рода в исполнении Руденко Даллес увидел обыгрывание

---

⁴¹ Władysław Bartoszewski. Prawda o von dem Bachu (Truth on von dem Bach) (нем.). – Poznań: Wydawnictwo Zachodnie, 1961. – S. 103.

той части спектакля, которая отвечает за правдоподобность слов допрашиваемых. Делать из матерого гитлеровца и палача здесь борца за справедливость было бы излишне, а потому все же маленькое черное пятнышко он решил примерить на себя добровольно – ну или потому, что знал, какова может быть месть могущественного советского обвинителя.

«Да, кстати, – подумал Даллес, – а почему советского? Он ведь арестован американскими оккупационными властями... Видимо, жест доброй воли друга Роберта другу Роману... Хотя, почему, если арестован, на нем нет робы? Почему он сравнительно прилично одет? Надо бы адресовать этот вопрос главе нашей делегации обвинителей...»

Размышления его прервал ответ Бах-Зелевского:

– Тяжело прийти немцу к такому заключению. Мне многое потребовалось для этого.

Эрих фон дем Бах-Зелевски

В целом, этот тайм явно выигрывал Руденко. Последний

его удар был решающим.

– Господин свидетель, – уточнил он, – как могло случиться, что несколько дней тому назад выступал здесь свидетель Олендорф, который, давая показания, признал, что он с эйнзатцгруппой уничтожил 90 тысяч человек и что это не согласуется с национал-социалистской идеологией?

– Ну, у меня другое мнение по этому поводу. Если десятилетиями проповедают, что славяне являются низшей расой, что евреи вообще не являются людьми, – неминуем именно такой результат... Что до мнения других свидетелей, я за него отвечать не могу. Хотя бы потому, что, если человеку самому приходит в голову вдруг, ни с того, ни с сего уничтожить 90 тысяч человек, его явно нельзя рассматривать как нормального и уж тем более – как полноценного свидетеля в уголовном процессе.

Допрос окончился. Когда Бах-Зелевски уходил, проходя мимо скамьи подсудимых, Геринг схватил его за рукав и воскликнул, вскакивая с места:

– Господин председатель! Почему он не на скамье? Почему не с нами? Неужели он не виноват?!

Аналогичные мысли гуляли в голове Даллеса. Никитченко спокойно и формально ответил ему:

– Подсудимый, предоставьте обвинению самому решать, кого и куда сажать. Пока речь идет о вас, а не о нем.

Когда слушание закончилось, Даллес и Джексон встре-

тились на пороге Дворца правосудия. Утомительный судный день и нервное перенапряжение в свете событий последних дней дали обоим право на перекур (родным «Кэмел»!) и непринужденный разговор двух земляков, оказавшихся на чужбине – без посредников и посторонних глаз, без погон и шевронов, просто, по-свойски.

– Что скажете, Аллен? – спросил прокурор от США у своего товарища. – Какие ваши прогнозы? Чем все это закончится?

– Вы спрашиваете меня о прогнозах? – усмехнулся Даллес. – Вы, юрист?

– Да, но вы-то – разведчик. Должны знать больше остальных...

– Форменное заблуждение. Я, например, совершенно не понимаю, что только что произошло с этим Бах-Зелевски. Почему палач спокойно покинул зал заседаний? Не одному же Герингу в зале бросилась в глаза эта вопиющая несправедливость...

– Возможно, – Джексон окинул собеседника нервным взглядом с головы до ног и выкинул сигарету. – Но вопрос задан не по адресу. Это вам надо спросить у русских!

Даллес хотел было прояснить последнюю фразу, но было поздно – прокурор показал ему спину и зашагал в сторону отеля, где сегодня вечером обещала состояться очередная грандиозная пьянка.

20. За все надо платить

Июль 1962 года, Москва, здание Генеральной прокуратуры СССР на Большой Дмитровке

Генеральный прокурор СССР Роман Руденко вызвал к себе на прием заграничного корреспондента «Комсомольской правды», 30-летнего Юлиана Семенова. Принимал его лично – очень уж щепетильный предстоял разговор.

– Ты в Мюнхен ездил недавно, если я не ошибаюсь?

Семенов, привыкший к тому, что вопросы подобного рода обычно задают в КГБ, удивился:

– Да. А почему вас это интересует?

– Ну ты не забывай, что я – генеральный прокурор. Меня все интересует. Особенно, если учитывать, что целью твоей поездки было освещение процесса над Эрихом фон дем Бах-Зелевски, верно?

– Сами же все знаете, – улыбнулся журналист.

– Я-то знаю, – вздохнул Руденко, – а вот ты, кажется, недопонимаешь некоторых политических моментов важности этой фигуры. Тебе известно, что он в качестве свидетеля в Нюрнберге показания давал?

– Известно, Роман Андреевич, – загорелся Семенов. – Я потому туда и поехал. Он ведь тогда сухим из воды вышел, хотя это вызвало недоумение у всех присутствующих, вклю-

чая Геринга. Так ведь?!

– Смотри, какая осведомленность. Ну допустим...

– Мне такая трактовка кажется неслучайной. Тут явно прослеживается рука империалистических разведок. Человек командовал войсками СС и полиции на территории РСФСР и Белоруссии, его руки даже не по локоть, а по плечи в крови, а он спокойно уходит из здания Дворца правосудия! И потом еще 15 лет никому совершенно нет дела до него и его роли в войне и уничтожении мирного населения, заметьте, нашей страны. И тут вдруг, 15 лет спустя, его арестовывают и судят – но не за то, что он утопил в крови оккупированные восточные территории, а за то, что в 1934 году, в «Ночь длинных ножей», в Кенигсберге чуть ли не случайно убил какого-то эсэсовца!⁴²

– И ты, понятное дело, разразился гневной статьей по этому поводу?!

– А как быть, когда такое творится?! Советский читатель должен знать правду о сговоре империалистов и нацистов, пускай даже столько лет спустя...

Руденко снова тяжело вздохнул и окинул журналиста взглядом:

– Ты не обижайся, но я эту твою статью приказал притормозить...

– Но... почему?!

---

⁴² Noch -heute – des Teufels General | DIE ZEIT | DIE ZEIT Archiv | Ausgabe 08/1961

– Потому что ты не знаешь всего. Не думаешь же ты, что там, в Нюрнберге, решения принимали одни только американцы?! По твоей логике получается, что мы там были на правах то ли клоунов, то ли вообще пустого места?

– Но тогда выходит...

– Решение проявить снисхождение к Бах-Зелевскому было принято наверху... с участием советского руководства. И нынешняя его судьба тоже не проходит мимо нас.

Семенов выпучил глаза и, не в силах произнести ни слова, смотрел на хозяина кабинета как на сумасшедшего.

– Но... но...

– погоди. Я с тобой так откровенен, потому что знаю и уважаю твоего отца, старого большевика, которому когда-то помогал реабилитироваться после сталинских репрессий. Потому рассчитываю на твое понимание...⁴³ Я знаю, что ты скажешь – этот Бах нацистский преступник и все прочее. Конечно, ты прав. Но ты же знаешь, что идеальной законности, как и идеальной справедливости, не существует. Везде и всюду вмешивается политика, будь она неладна. Конечно, это плохо, но это жизнь. Не мы такой порядок выдумали, не нам его и ломать. И, согласно этому порядку, Бах-Зелевского мы должны были отпустить. Мы ему это обещали...

– Мы?! Но за что?! Что он такого сделал?

– То-то, что сделал. Ты не знаешь, а в 1944 году он уни-

---

⁴³ Семёнова О. Ю. Юлиан Семёнов. – 2-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 2011. – ISBN 978-5-235-03487-7.

чтожил злейшего врага Советской власти – бывшего главара Локотского самоуправления, гауляйтера Орловской и Брянской областей Бронислава Каминского. Останься он тогда в живых, еще неизвестно, чем бы война кончилась, и кто бы на скамье подсудимых в Нюрнберге оказался. Он, можно сказать, сделал первый шаг к падению военного влияния рейха в СССР. Сделал сам. И мы не могли такого не заметить и не оценить...

– Каминский... Каминский...

– Ты мог о нем слышать в связи с его участием в подавлении Варшавского восстания осенью 1944 года. Тогда он и его эсэсовцы много крови полякам пустили...

– Но, насколько мне известно, – парировал Семенов, – львиную долю участия там приняли войска того же Бах-Зелевского...

– Еще раз говорю: тебе известно не все, – отрезал Руденко. – Я расскажу тебе кое-что, но ты про это забудешь. И про статью свою тоже. А чтобы тебя к этому простимулировать, вот...

Он открыл ящик письменного стола, вытащил оттуда конверт и положил его перед Семеновым.

– Это письмо для Бах-Зелевского от меня. Поедешь в Мюнхен, «статью дорабатывать» и заодно передашь. Только не вскрывать и в собственные руки!

– И что будет написано в новой статье? – все так же недоуменно спрашивал журналист.

– А ничего. Ее вообще не будет, – отрезал прокурор. – Вместо этого будет статья о твоих поисках Янтарной комнаты, вывезенной гитлеровцами с территории СССР. Ты же, кажется, этим вопросом вплотную занимаешься? А Бах-Зелевски как раз войсками СС на оккупированной территории командовал, может тебе помочь в этом вопросе. В письме я прошу его оказать тебе содействие.

– Ну и дела, – присвистнул Семенов. – Такие милости от генерального прокурора! Видать, и впрямь этот Каминский был настолько опасен, что за неразглашение данных о его убийце я все это получаю...

Информация к размышлению (Бронислав Каминский). Руденко говорил правду. Август-сентябрь 1944 года – трагическая дата в истории Польши. Жители Варшавы восстали против гитлеровцев, не в силах более терпеть их гнет. Бунт их жестоко подавлен. По усреднённым данным, за 63 дня восстания погибло около 10 тысяч повстанцев и до 200 тысяч мирного населения. Главным «подавителем» Варшавского восстания вермахт назначил Эриха фон дем Бах-Зелевского, получившего богатейший опыт в массовых расстрелах евреев на территории Белоруссии. Группировка сил под его командованием в Варшаве насчитывала 16 тысяч бойцов. В нее входили также украинские, белорусские, мусульманские формирования. На помощь к нему зачем-то отправили сводный полк коллаборационистской РОНА (Рус-

ской Освободительной Народной Армии) под командованием Каминского, который составлял всего 1,7 тысячи бойцов. Расклад сил очевиден. Да и можно ли было сравнивать бойцов РОНА, к примеру, с уголовниками бригады СС Дирлевангера, запятнавшей себя крайней жесткостью при подавлении партизанского движения в России, Польше, Белоруссии?!

Кроме того, сводный полк РОНА находился в Варшаве всего 10 дней – с 9 по 19 августа 1944 года. За время боёв от немецких солдат начали поступать сигналы о том, что каминцы стреляют им в спину. Это подтвердил на допросе командир сводного полка РОНА Иван Денисович Фролов.⁴⁴ В один из тех дней в ответ на резкое требование бросить части в Варшаву Каминский ответил: «Во-первых, я по происхождению поляк, во-вторых, я русский патриот. Я и мои солдаты борются только против большевизма, за свободу России. Польские повстанцы борются за свободу своей Родины. Я не могу участвовать в борьбе против них».⁴⁵

---

⁴⁴ «Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб» Христов В., Мерецкий П. – Москва – Варшава: Управление регистрации и архивных фондов Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерство внутренних дел и администрации Республики Польша, Институт российской истории Российской академии наук, Институт национальной памяти Республики Польша – Комиссия по преследованию преступлений против польского народа, 2007. – 1381 с.

⁴⁵ Дорогие воспоминания / В. Д. Самарин // Цвет времени: Рассказы / В. Д. Самарин; Обложка Н. И. Николенко; Посвящено друзьям. – Нью-Йорк: Б.и., 1969 (Munchen: I.Baschkirzew Buchdruckerei).

Бронислав Каминский

19 августа прибывшая немецкая комиссия вывела полк Каминского из Варшавы за бездеятельность при подавлении восстания и направила его на подавление польских партизан в Кампиносскую пущу. Но и тут сводный полк отказался воевать, сославшись на усталость и неисправность вооружения.

Такая картина, с одной стороны, страшно злила Бах-Зелевского. С другой – он понимал, что война почти проиг-

рана, и потому вскоре ему придется отвечать за подавление Варшавского восстания и борьбу с польскими партизанами. Единственным способом избежать ответственности было свалить ее на кого-нибудь другого. Покойники, как показывает практика, подходят на эти роли больше всего. И потому Бах-Зелевски отдает приказ об убийстве Каминского. Однако, этим выстрелом он убивал двух зайцев – помимо собственных интересов, он обеспечивал интересы русских, для которых Каминский был заклятым врагом. Тем самым он мог выторговать у будущих победителей дополнительные привилегии для себя. Но чем же этот поляк так насолил Москве? Чтобы ответить на этот вопрос, надо разобраться в его биографии...

Родился он в Польше в 1899 году. Каминские – семья потомственных польских дворян, перебравшихся в Петербург в конце XIX века. Жили в центре города на улице Тележной. Мать Бронислава – Евва-Ядвига, до конца жизни гордилась тем, что «ни дня не работала на эту власть». А участник Гражданской войны Бронислав считал себя русским, верил в будущее России. После демобилизации вернулся домой, женился на Войтович Анне Брониславовне, с которой родили трёх дочерей и сына. Затем получил высшее образование как инженер-технолог и сделал важнейшее изобретение – синьку (средство для подсинивания белья). Работал главным инженером на разных предприятиях.

Но 11 августа 1937 года во все управления НКВД СССР

пришло закрытое письмо №59098 за подписью наркома внутренних дел Ежова, в котором всё польское население СССР объявлялось иностранными шпионами, проникшими в органы управления НКВД, разведуправление Красной армии с целью свержения советской власти во главе с её руководством. После убийства Сергея Кирова 1 декабря 1934 года в стране был объявлен Большой террор. Вместе с Закрытым письмом в местные органы НКВД разослали конкретные приказы по нейтрализации «вредных элементов». В письме фигурировало и имя Филиппа Медведя – начальника управления НКВД СССР по Ленинградской области – ближайшего друга Кирова. В декабре 1934-го в своём кабинете на площади Урицкого застрелился заместитель Медведя, являвшийся мужем родной сестры Анны Каминской. По всем статьям Бронислав Каминский попадал под «Польское дело»: и поляк, и из «бывших», и образован, и родственник заместителя, указанного в закрытом письме Медведя... По совокупности все эти «преступления» тянули на высшую меру социальной защиты – расстрел...

В один из августовских дней 1937-го семья собралась обедать. Услышав во дворе звук мотора, сестра Каминского Антонина выглянула в окно. Увидев «воронок» и чекистов, направляющихся к подъезду, она крикнула: «Броня, беги!» «Я не сделал ничего плохого», – спокойно ответил он. Когда его уводили, средняя дочь Виктория бросилась в ноги к одному из чекистов с мольбами не забирать папу. Тот с силой

пнул ребёнка сапогом. От удара сапогом девочка ударилась головой о стену, потеряла сознание и в дальнейшем в течение двух лет не могла говорить. Потом речь восстановилась, но появилось сильное заикание, сохранившееся на всю жизнь.

Его все же арестовали. И, как принято было в ту пору, пытали... 26 часов без возможности присесть (пытка, при которой запрещалось садиться до потери человеком сознания). Повторение... потеря сознания... опять повторение. Топили в воде, откачивали. Подвешивали за ноги. После второго ареста он не мог лежать на спине из-за сильных ожогов, нанесённых раскалённой электрической лампочкой. 27 августа 1937 года после третьего ареста домой он уже не вернулся – его отправили в ссылку в Шадринск, без права поселения в больших городах.⁴⁶

Он прибыл в маленький городок Локоть в Брянской области, где начал работу инженером на спиртзаводе. В это время началась война, и вскоре гитлеровцы подошли вплотную к Брянску. Исход сражения был очевиден – город будет сдан...

В результате стремительного наступления немецких танковых армий летом и осенью 1941 года советские органы власти оккупированных районов нынешних Орловской и Брянской областей эвакуировались задолго до прихода

---

⁴⁶ Камински А. В. О Локотской республике забыть! // <https://www.proza.ru/2018/05/04/1011>

немецких войск. События, происходившие в начале войны в западных районах Орловской области (ныне – юго-восток Брянской области), не согласуются с привычными для советских людей представлениями об общем патриотическом подъёме советского народа и мобилизации всех сил на отпор врагу в 1941 году. В докладной записке начальника штаба партизанского движения на Брянском фронте старшего майора госбезопасности Александра Матвеева сообщается, что в первые месяцы войны с Германией в Брасовский, а также в некоторые другие соседние районы вернулись несколько десятков раскулаченных и высланных в период проведения коллективизации, которые в расчёте на близкий конец советской власти «уже присматривались к бывшей своей собственности, прикидывая, во что обойдётся ремонт жилого дома, каким образом использовать „свою“ землю, выгодно ли восстановить мельницу и т. д.», – нисколько не скрывая своих настроений от окружающих. В той же записке отмечались и сильные антисоветские настроения среди крестьян Брасовского района, и «засорённость» местных партийных и советских организаций «чуждым элементом», и то, что в годы войны «по сравнению с соседними районами Брасовский район дал из числа партийно-советского актива относительно меньший процент партизан и относительно больший – предателей». ⁴⁷

Брасовский район отличало от соседних то, что в досо-

---

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 69, Оп. 1, Д. 913, лл. 69—70.

ветские времена эти земли входили в состав Комарицкой волости и принадлежали императорской фамилии, а в посёлке Локоть находилось имение великого князя Михаила Александровича. Не зная крепостного права и послереформенного разорения, брасовские крестьяне жили спокойной и размеренной жизнью, пока революция 1917 года, гражданская война и насильственная коллективизация привели выживших к разору. То, что для бывших дворцовых крестьян коллективизация стала первым крепостным правом, явилось причиной скрытого недовольства советской властью, вылившегося наружу, когда эта власть самоустранилась (эвакуировалась на неоккупированные территории).

Почти за две недели до появления танковой дивизии в Локте (или Локоте) собрались сельские старосты вместе с wybranными депутатами и большинством голосов приняли решение назначить «губернатором Локтя и окрестной земли» инженера завода по производству спирта Константина Воскобойника, а его заместителем Бронислава Каминского. Для поддержания порядка был сформирован отряд милиции численностью свыше 100 человек. Во время быстрого наступления частей вермахта в 1941 году на несколько дней с момента стремительной эвакуации представителей советской власти на территориях имели место беспорядки, грабежи и убийства. Первоначально милиция служила именно для поддержания относительного порядка в районе Локтя. Подобные части существовали на многих территориях.

Командир авангардного отряда немецких танкистов, как уполномоченное лицо, утвердил Константина Воскобойника в должности обер-бургомистра (более высокая должность, чем просто бургомистр) всей «Локотской волостной управы», которая увеличилась впоследствии до округа. Немецкий капитан, который командовал передовым отрядом танкистов, дал разрешение на существование отряда «местной самообороны» (который уже был создан ранее), ограничив его численность до 20 человек.

Учитывая организаторские способности Воскобойника, уже через две недели, 16 октября 1941 года, немцы позволили ему увеличить отряд до 200 человек. Эта же дата (по другим данным, 16 ноября) традиционно считается днём, когда немцы официально санкционировали администрацию Локтя. Называться данная административно-территориальная единица стала «Русское государственное образование – Локотское окружное самоуправление» (РГО-ЛОС).

Вскоре Воскобойник погиб от рук партизан, и управление Локтем перешло в руки Каминского. Надо сказать, что на этой должности он добился значительных успехов.

Так, на территории Локотского самоуправления были упразднены колхозы, возвращена частная собственность, разрешена значительная свобода предпринимательства. Согласно приказу №185 по Локотскому управлению от 23 июня 1942 года при распределении бывшего колхозного имущества его должны были отдавать «в первую очередь... ра-

ботникам полиции, раскулаченным, пострадавшим от партизан, сотрудникам [управы]...». ⁴⁸ Немецкие власти предпочитали не вмешиваться во внутренние дела Локотского самоуправления, которое отвечало за сбор налогов, безопасность немецких грузов на своей территории и обеспечение немецких войск продовольствием. Единственным платёжным средством являлся советский рубль. ⁴⁹

Административная система Локотского самоуправления во многом повторяла систему, практиковавшуюся в других оккупированных областях Третьего рейха. Главным отличием являлось то, что вся полнота власти на местах принадлежала здесь не немецким комендатурам, а органам местного самоуправления. Любым немецким органам власти запрещалось вмешиваться во внутренние дела «Локотской волости». Германские учреждения на территории Локотского округа ограничивали свою деятельность лишь помощью и советами руководителям округа и его районов.

Вначале власть самоуправления распространялась лишь на Локотский (ныне Брасовский) район, затем – на Локотский уезд, с присоединением к нему территорий Навлинского и Комаричского районов (Орловской, ныне Брянской области) и Дмитровского района Курской (ныне Орловской)

---

⁴⁸ Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941—1945 гг. Типы и формы. – Новгород: Новгородский Государственный Университет, 2009. С. 50—51.

⁴⁹ Сергей Верёвкин. «Локотская альтернатива». «Парламентская газета» от 22 июня 2006 года.

области. С июля 1942 года Локотский уезд был реорганизован в Локотский округ и отныне включал в себя 8 районов, сохранившихся и поныне (Брасовский, Суземский, Комаричский, Навлинский, Михайловский, Севский, Дмитриевский, Дмитровский). Каждый район делился на 5—6 волостей, каждая из которых имела волостное управление во главе с волостным старшиной, а во главе района стоял русский бургомистр со своим аппаратом управления.

Локотский округ располагался на территории в 10 300 квадратных километров. Он имел статус национального образования и собственные вооружённые силы – Русскую освободительную народную армию (РОНА) – объединение, созданное по образу народной милиции и состоявшее из 14 батальонов (по разным данным, от 12 до 20 тысяч человек). К моменту эвакуации частей Каминского в город Лепель в формированиях РОНА насчитывалось 10 тысяч бойцов, сведённых в пять пехотных полков, имевших на вооружении 36 полевых орудий в артдивизионе, два танка КВ, три танка БТ, четыре танка Т-34, несколько танков других марок в составе танкового батальона; около 20 автомашин, а также 15 миномётов.⁵⁰

Население округа составляло 581 тысячу человек, что превышает численность населения, например, Приднестровья. На территории округа, несмотря на то, что это была оккупированная территория, действовал свой Уголовно-про-

---

⁵⁰ Войска СС. Кровавый след. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 80

цессуальный и Уголовный кодекс. Имелась судебная система, одинаково суровая как к своим, так и к чужим. Так, однажды по личному распоряжению Каминского были произведены следствие и суд над двумя военнослужащими венгерского корпуса в составе немецкой армии за мародёрство и убийство местного мельника. Несмотря на протесты немецкого командования, преступники были осуждены и публично казнены.⁵¹

При минимальном контроле со стороны немецкой администрации Локотское самоуправление добилось крупных успехов в социально-экономической жизни округа, потому что здесь была отменена колхозная форма хозяйствования и введён новый строй налогов. Конфискованное при раскулачивании советской властью имущество безвозмездно возвращалось бывшим владельцам, при утрате предусматривалось соответствующие возмещение. Размер подушного участка для каждого жителя самоуправления составлял около 10 гектаров.

За время самоуправления были восстановлены и запущены многие промышленные предприятия, занимавшиеся переработкой сельскохозяйственной продукции,⁵² восстановлены церкви, работали девять больниц и 37 медицинских

---

⁵¹ Чуев С. Проклятые солдаты. – М.: ЭКСМО, 2004. – ISBN 5-699-05970-9.

⁵² Ермолов И. Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления. 1941—1943. – М.: Центрполиграф, 2009. – С. 109; Газета «Голос народа», 15 ноября 1942 г. (№30); газета «Речь», 3 февраля 1943 г. (№14)

пунктов амбулаторного типа, действовало 345 общеобразовательных школ и три детских дома, открыт городской художественно-драматический театр имени К. П. Воскобойника в Локте, а в программе Дмитровского городского театра были даже балетные номера. Народу все это нравилось настолько, что даже партизаны массово переходили на сторону сил округа.⁵³

Москва, по понятным причинам, была в ярости. В апреле 1943 года из блокадного Ленинграда в Локоть заброшена агент «Вьюн» (Антонина Каминская), с целью убедить брата перейти на сторону советской власти. За переход ему обещаны звание генерал-майора и Героя Советского союза, а всем военнослужащим – полная безопасность и сохранение воинских званий. В случае отказа агент «Вьюн» обязана убить брата. После встречи с сестрой, Бронислав опубликовал в газете «Голос народа» статью, разоблачающую попытку подкупа.⁵⁴

---

⁵³ Феликс ДУНАЕВ, участник Великой Отечественной войны, почётный сотрудник госбезопасности. О преступлениях коллаборационистов. Сайт Администрации Брянской области. Архивная копия от 3 мая 2013 на Wayback Machine

⁵⁴ Даллин, А. Бригада Каминского = The Kaminsky Brigade. – М.: Московский рабочий, 2011. – 92 с. – ISBN 9785707102833.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.